

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Земля наша велика и обильна...

«ЭКСМО»

2004

Никитин Ю. А.

Земля наша велика и обильна... / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2004 — (Странные романы)

Мир меняется стремительно, настолько избитая истина, что пора в реанимацию. Куда быстрее, чем замечаем и мимикрируем. Мы еще не вошли в new strange world, все еще там, в старом неспешном – с ящиками, книгами, музеями, дог-шоу, компьютерами, интернетом и такими устаревающими понятиями, как «русский», «немец», «американец». И когда наступает страшное прозрение, мы... уже опоздали.

© Никитин Ю. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	39
ГЛАВА 7	45
ГЛАВА 8	52
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10	65
ГЛАВА 11	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

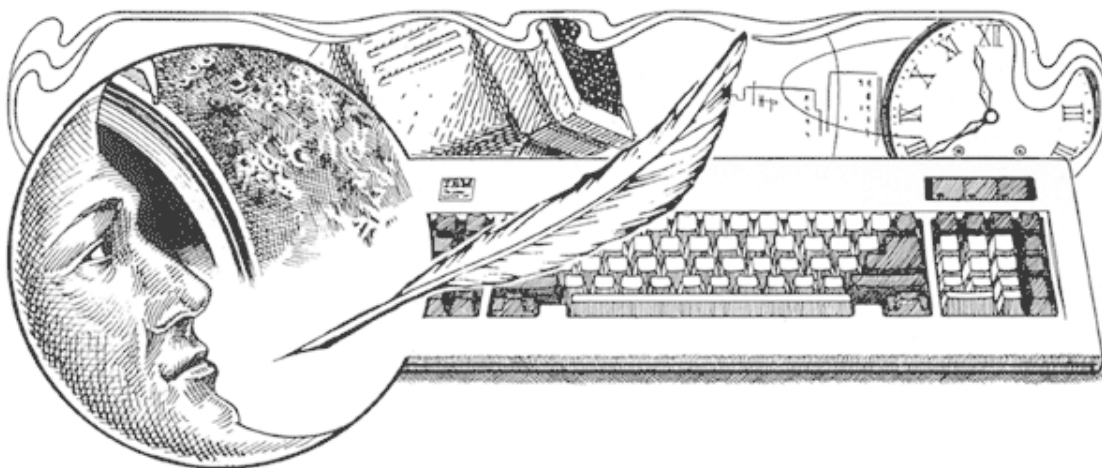
Юрий НИКИТИН

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

Посвящается нашей удивительной Корчме: <http://nikitin.wm.ru>, миру будущего, где уже выплавляется новый человек... а новое всечеловеческое общество почти образовалось. Почти.

Предисловие

Я имею право написать ЭТУ книгу. Да, имею. Новичкам объяснять не буду, а те, кто читал «Ярость», вышедшую из печати в начале девяностых, и знающие, что за этим последовало и как реагировали на «Скифы» – что на пять лет позже, кто читал «Имаго», «Имортист» и «Чародей звездолета», опубликованные затем, – поймут и без объяснений.

Часть I

ГЛАВА 1

Прозвенел звонок, почти сразу же раздались позывные телецентра. Я с трудом поднял тяжелые веки. Напротив на стене вспыхнул прямоугольник жидкокристаллического телевизора. Программа новостей, все как и заказано, с кухни несется бодрый шорох перемалываемых кофейных зерен, воздух чист, свеж, с едва уловимым ароматом хвои, во всей квартире не отыскать пылинки: встроенные в стену пылесосы бдят, молодцы.

Слева от постели на полу тонкая пластинка весов, ого, за вчерашний день прибавил триста граммов, хотя, возможно, просто колебание в водно-солевом балансе. Так же автоматически сгреб со столика пакетик ацетил-L-карнитина, новейшего препарата фирмы «Iron Man»: в самом деле позволяет целый день бегать без усталости, хотя, говорят, сжигает жизнь быстрее, чем финские бани.

На ходу проглотив, как утка, две капсулы, их надо за полчаса до еды, потащился в ванную. Пока чистил зубы, рассматривал в зеркало все еще молодого, сильного, полного жизни самца. Глубоких морщин нет, разве что на лбу между бровями, но это почти с детства, так что еще крутой представитель породы, если, конечно, не всматриваться слишком глубоко, чтобы не усмотреть там, на дне, дрожащего зайца, во всем сомневающегося и во всем неуверенного, ну чисто русский интеллигент!

На кухне в тостере пощелкивают гренки, воздух с той стороны такой греночный, ароматный. Кофейный аппарат при моем появлении щелкнул, из кокетливо загнутого носика в чашку полилась коричневая жидкость. Ноздри задергались, поглощая запахи. Кровь пошла по телу быстрее, остатки сна улетучились. Еще три капсулы и две таблетки от фирм «Art Life» и «New Ways», эти сжигают жиры и поддерживают бодрость в течение всего дня, их надо принимать вместе с едой, это так называемые биологические добавки, я их и принимаю, все путем, все хорошо.

Второй телевизор на кухне, во время завтрака просматриваю новости, сперва телевизионные, потом переключаю на Интернет и смотрю там, эти всегда свежее, к тому же по одному клику можно получить хоть допы, хоть коменты.

Аквадистиллятор за ночь отфильтровал воды на сутки вперед, добавил необходимые соли и минеральные добавки, я с удовольствием выпил стакан, а пока в прихожей натягивал тесные узконосые туфли, старая мода явилась – не запылилась, во рту пересохло, зашел на кухню и вылакал еще с полстакана.

С ключами в ладони шагнул к выходу, но за спиной звякнул телефон. Чертыхнувшись, я вернулся, люди в моей партии обязаны быть свободными от суеверий, поднял трубку.

– Алло?

Из мембраны раздался торопливый голос:

– Борис Борисович? Как хорошо, что застал вас!

– Глеб? – спросил я, родился и всю жизнь прожил в России, но все еще раздражает, что звонящие по телефону не называются. – Что за проблема? Давай быстрее. Опаздываю.

– Борис Борисович, – сказал он еще торопливо, – сейчас на Садовой собирается народ, пойдут громить писсуары на Тверской. Что будем делать?

Я замаялся на миг, слышно, как Глеб сопит в трубку и чуть ли не грызет ее, выдавил с неохотой:

– Знаешь... лучше всего – ничего.

В трубке ахнуло:

– Да как же?... Да это же... Ни одна партия не молчит! Все или «за», или же «против»!.. Демроссы и мичуринцы... ну те, что яблоки околачивают, выступили «за», партия власти молчит в тряпочку, зато коммунисты призвали пенсионеров, ветеранов войны и труда, а также всех уважаемых людей...

Он говорил и говорил, захлебываясь словами, я сжал челюсти, стараясь в бешеном темпе разобраться в проблеме, а когда Глеб начал выдыхаться, проговорил как можно весомее:

– Приеду, разберемся. Пока ничего не предпринимайте.

Он пискнул протестующе:

– А не упустим шанс?

– У нас его и так нет, – ответил я трезво. Поправился: – Почти нет. Давай, до встречи!

Трубка заняла место на рычажках, я поставил квартиру на сигнализацию, вышел, запер на три замка и, улыбнувшись в сторону скрытой телекамеры, что записывает каждое движение, нажал кнопку вызова лифта. Под ногами лужи, уборщица моет пол каждое утро, но, когда в кабине лифта звякнуло и дверцы распахнулись, я сперва просунул руку в темную кабину и, придерживая кнопку, чтобы двери не захлопнулись, напряженно всмотрелся.

Раньше, помню, в лифт входили, не задумываясь, теперь же каждый сперва посмотрит на пол, чтобы не вступить в дерьмо или в лужу блевотины, потом делает шаг и замирает, стараясь не коснуться стен, там висят жирные плевки, белеют подобно созревшим чирьям приклеенные комочки жвачки, стены и потолок расписаны матом и предложениями всех оттрахать во все дыры, не говоря уже о всякого рода телефонах и емэйлах.

Лампочка не горит, да и нет ее, в потолке на месте плафона вообще безобразная дыра, но глаза быстро привыкли, я рассмотрел, что в лифте лужа, но уже не пахнет, просто воняет застарелой мочой. В углу ворох смятых промокших бумажек, оберток, белеет презерватив. Стены расписаны матерными словами, но это привычно, мне же надо только успеть нажать нужную кнопку, пока дверь не закрылась, а потом долго ехать в полной темноте.

На шестом лифт остановился, дверцы раздвинулись, с ярко освещенной площадки вошел мужик с тупой и чисто по-русски вечно недовольной мордой. Встал слева, опять же чисто по-русски делая вид, что он тут один. Хотя нет, был бы один, уже чесал бы Фаберже, сопел и харкал бы по сторонам, а так стоит столбом и тупо смотрит в закрытую дверь. Черт, ну не понимаю, почему в России принято не здороваться с соседями, мы же в самом деле соседи, почти каждый день видимся, встречаемся в булочной и на улице... А самому поздороваться – глупо и неуместно, как будто язвительное напоминание, что он, вошедший ко мне в лифт, должен поздороваться первым.

Двери наконец распахнулись, мужик вышел, я следом, а когда проходили мимо консержки, я поздоровался, из-за чего та посмотрела очень внимательно, словно стараясь определить, из какой страны меня заслали. Мужик, который прошел как мимо пустого места, понятно, свой, а я какой-то непонятно вежливый... И почему-то. Даже зачем-то.

Хмурое утро, но солнце просвечивает сквозь низкие тучи чуть ли не в зените: заканчивается лето, ночи короткие, солнце поднимается настолько рано, что его можно назвать полуночником.

У подъезда широкая лавка, в старину там просиживали вечера старухи и перемывали кости проходящим, но эти времена ушли, теперь там пьяные в дым подростки, даже лавка пропахла травкой, блевотиной и сгустками выплюнутой жвачки.

Тротуар, и газон конечно же, загажен и усыпан осколками битого стекла. Это чтоб никакие гады не нажились, сдавая бутылки, и чтобы собаки калечились и скакали на трех лапах, жалобно повизгивая и орошая асфальт красными каплями. Потому что собак могут заводить только буржуи, их же кормить надо, а где лишние деньги взять, и так на водку не хватает.

Вообще-то газон можно назвать газоном только по его географическим координатам: травы намного меньше, чем окурков, оберток от мороженого, выбрасываемых из окон всех этажей презервативов, огрызков яблок и прочего мусора.

Наш дом не самый бедный, все-таки бизнес-класса, он в центре крохотного зеленого пятка, еще и обнесен забором, так что здесь условно чисто, если сравнивать со всеобщей мусоркой, но, едва я вышел за ворота, в ноздри ударил смрад. В канаве, наполовину заполненной тухлой водой, разлагается труп не то кошки, не то мелкой собаки. Утоптанная до плотности камня земля усеяна зелеными стекляшками с острыми краями.

Приходится идти через настоящую свалку, мусорные баки не убираются месяцами, ветер вместе со смрадом разносит обрывки бумаги, газет, обертки, а железные ящики давно похоронены под горами мусора, с ходу и не отыскать. Вспомнился анекдот: зимой старый еврей просыпается, а в квартире тепло, потрогал батареи – горячие, чуть не обжегся, включил воду – чуть не ошпарился, включил свет – горит, газ – идет, на улицах чисто, мусор убирается вовремя... В ужасе кричит жене:

– Сара! Коммунисты к власти вернулись!

Но коммунисты с их железной властью уже не вернутся, понятно, зато демократия с русским лицом – это такое непотребство, что ничего более отвратительного и угнетающего я еще не видел.

Огромное серое здание, похожее на поставленную стоймя железнодорожную цистерну, но с окнами-бойницами, как в старинной крепости, приближается, оно всего в двух кварталах от моего дома, в окошках поблескивает свет фар. Восьмиэтажный гараж, моя машина на втором, да и то, помню, первую неделю взбирался по крутой спирали пандуса с выпученными от напряжения глазами: страшно, что задену стену, и не то беда, что машину поцарапаю, но позор какой!... Для мужчины нет ничего хуже, чем признаться в неумении водить машину. Пожалуй, хуже только... нет, даже это не так позорно, а вот если сел за руль, то будь добр показывай класс!

– Привет, ребята, – сказал я на входе.

– Здравствуйте, Борис Борисович, – ответил охранник.

Из будочки выглянул еще один, тоже заулыбался и взял под козырек:

– Слава России!

– России слава, – ответил я автоматически и пошел по лесенке на второй этаж. Отмечаться не стал, как делает большинство: когда год назад этот гараж только начали строить, я выкупил место. Таких, как я, набралось едва ли с десяток, остальные арендуют. Собственно, я выкупил не за свои деньги, но председателю партии РНИ, Российской Национальной Идеи, надо быть достаточно солидным, чтобы по звонку какого-либо чиновника не могли лишиться койкоместа его машину.

У моей красотишки от радости засветились глаза, тут же погасила, все-таки солидная машина, опель-астра-купе, не жигуль какой-то приبلудный, но все равно по молодости любит носиться по московским дорогам, спасибо мэру, нигде в России нет таких широких, новеньких, отремонтированных, хотя, конечно, загажены по самое некуда, уже совсем не по-европейски.

– И я тебя люблю, – заверил я. – Ты мое чудо.

Выехал из зала, вылез, загородив машиной узкий проезд, закрыл железные ворота вручную, никак не поставят автоматику, жлобы, снова сел и погнал по спирали вниз. Во дворе уже дожидается сопляк на красной хонде, чей-то сынок, у нас только одна колея, и если машина поднимается или опускается по пандусу, остальные терпеливо ждут.

Охранник, уже новый, тот успел смениться, в сторонке лениво треплется с обшарпанной девкой. Я посигналил в нетерпении, он еще некоторое время говорил, потом повернул голову, окинул меня взглядом полного хозяина, сволочь ленивая, перед бабой выпендривается, снова повернулся к ней. Я посигналил снова, опустил стекло и крикнул:

– Эй, парень! Хочешь, уволят через пять минут?

Он улыбнулся девице, извини, приходится пока что заниматься этими придурками на дорогах машинах, но потом я себя покажу, все они поймут, кто здесь хозяин, всех прижму к ногтю... мечта каждого уборщика, сделал два шага к будке и нажал кнопку. Шлагбаум медленно пополз в сторону. Закипая, я вырулил на дорогу, проехал пару сот метров, вынужденно остановился, давая дорогу отморозкам: моя дорога главная, а они прут на скорости за сто километров в час, но не идти же на столкновение? Хоть машина и застрахована, и подушки безопасности в порядке, даже не поцарапаюсь, но кому нужны эти дорожные разборки, опоздания на встречу... Скоты, на это и рассчитывают.

Я вздохнул несколько раз глубоко, заставил себя успокоиться, нельзя так, я же только только выехал, и уже адреналин разрывает вены, как две капли никотина хомяка, повел машину по всем правилам, но, видимо, впереди нет и следа гаишников, все прут на такой скорости, что обалдеть: сам иду уже под сто двадцать в час, а мимо шмыгают, как пули...

Перед въездом на Окружную часть сбилась в правый ряд, в одну линию, и ползут потихоньку гуськом, тут же нашлись ловкачи, примчались на скорости и попытались влезть слева в очередь. Я наблюдал, закипая, как двое все-таки сумели там впереди втиснуться, еще один на раздолбанном жигуленке попробовал влезть передо мной: машину притирал так плотно, что еще на сантиметр – и коснемся бортами. В голове мелькнуло злое, что вот сейчас чуть поверну руль влево, легкое столкновение, я этого гада поставлю на бабки, любой видит, что я прав, а этот гад нарушил, но вместо этого я коснулся кнопки стеклоподъемника, пристально посмотрел на водилу.

За рулем молокосос, рядом девица с выпадающими из выреза отвислыми сиськами, на заднем сиденье весело орут еще двое, то ли самцы, то ли самки, не разберешь этих унисексистов. Или унисексисток.

– Козел, – сказал я громко и холодно, чтобы в голосе звенел металл. – Куда прешь?..

Он сделал вид, что не слышит, у него там орет радио, по всей Окружной слышно, тогда я в самом деле вскипел, взялся за руль обеими руками, приготовился крутнуть влево, задержал дыхание и... повернул руль. Жигуленок за мгновение до столкновения резко отпрянул, я выровнял машину, продолжаю медленно двигаться, парень поспешно придержал машину, лицо уже серьезное, сбледнул даже. Все-таки ас, классный водила. Я чувствовал, что он краем глаза замечает малейшее мое движение, и потому я демонстративно подготовился к столкновению, а когда повернул руль, козел уже был готов и повернул на секунду или даже долю секунды раньше.

Охренели, мелькнуло в голове злое. Даже победа в этой схватке уже и не победа, слишком уж большое унижение, у меня опель последнего выпуска с затемненными стеклами, по традиции считается, что на таких бандиты, а эти отморозки на жигуленке хрен знает какого допотопного года, еще броневик Ленина помнит, но не сдрейфили, этот сопляк боролся... куда мир катится?

На Окружной трижды видел работу подставляльщиков. Слаженные бригады, у них и гаишники прикормлены, все схвачено, за все уплачено. Даже меня чуть было не попробовали притереть, я приспустил стекло и сделал вид, что полез за пистолетом, мигом улетели. Пока еще охотятся за машинами среднего класса, но, чую, беспредел растет, скоро и владельцы мерсов ощутят хватку этих отморозков. Если, конечно, в мерсах не такие же бандиты, только покруче.

На дороге то и дело возникают пробки, одни водители смиренно ползут в час по чайной ложке, другие съезжают с Окружной, торопливо ускользают через газоны во дворы, а там пытаются пробираться обходными путями. Впереди меня джип резко повернул и прямо через бровку полез на газон, оттуда попер по пешеходной дорожке, пугая народ. Я как раз оказался в удобном месте, где бордюр невысок, дал газ, перелез, чиркнув железным пузом по камню, выбрался и тоже попер по пешеходной.

Народ уже не шарахается, с тоской смотрят не на меня даже, а за мою спину. Понятно, таких умных немало, все прут по пешеходной, люди отступают на помятую, вытопанную траву, вбитую в землю колесами и укатанную до твердости гранита, здесь на ночь оставляют машины те, у кого нет денег оплачивать гараж.

Минут через пять я увидел, из-за чего пробка: столкнулись джип-чероки и ауди, столкнулись крепко, оба в лепешку. Бараны, явно видели, что будет, но никто не хотел уступить, озверел народ, крови жаждет, и по хрену, что и свою прольет...

Таких пробок насчитал четыре, и все из-за аварий, сейчас как раз свободное время между утренним и вечерним часами пик, бараны, соблюдали бы правила, все добирались бы втрое быстрее.

Минут через сорок я выехал на родную площадь. На той стороне под ярким солнцем блещет белый четырехэтажный домик, в нем наш офис. До революции здесь размещалась старинная боярская усадьба, но сожгли вместе с хозяевами, чудом уцелел флигель для гостей, остальное город смахнул хоть и с жалостью, но недрогнувшей дланью: нужны площади, теперь здесь Центр, чудно и подумать, что когда-то сюда ездили «из города», «из Москвы».

Дивно украшена, мелькнуло в голове. Очень емко и точно сказал летописец: «Восторжась русской землей, светло украшена ты, русская земля».

Еще издали заметил толпу с плакатами перед офисом нашей партии. Мы их называем между собой гомосеками, хотя, конечно, гомосеки там если и есть, то не всегда отдельными группами, правильнее называть это стадо демократами, демократы они все – точно, но гомосеками обзывать все-таки лучше, ядовитее, ведь многие демократы все-таки стесняются даже стоять рядом с гомосеками, так что в самый раз клеймить этих гадов общей позорящей кликухой.

В основном молодежь, прыгают, как макаки, и потрясают плакатами. Плакаты хорошей полиграфии, явно некие силы, как теперь принято говорить, отпечатали, снабдили этих выюношей с подружками и пообещали доллары за этот митинг протеста. Ну да, вот и корреспонденты вовсю щелкают фотоаппаратами, снимают, снимают... А эти все прыгают, орут, призывают уничтожить «язву нацизма» и «раковую опухоль человечества». Вон и обязательно длинное объяснение на транспаранте, что «патриотизм – прибежище негодяев».

Я сделал крутой поворот и подогнал машину к железным воротам. Еще не видел, но ощутил, как в мою сторону нацелились все телекамеры охраны. Опустив стекло, помахал рукой, зеленые ворота с металлическим звоном отворились, открылся небольшой дворик, четыре машины, среди них вольво и ситроен, что значит Лукошин и Лысенко уже прибыли, а другие две довольно дорогие японские машины хоть и видел пару раз, но припомнить не могу чьи.

Охранник в дверях козырнул, молодой великан арийского типа, кровь с молоком, голубоглазый, широкий в плечах, униформа трещит, едва вмещающая молодое сильное тело. Я выложил на стойку все металлическое, прошел через металлодетекторы, снова рассовал по карманам мобильник, диктофон, авторучку, ключи.

Мы, движение РНИ, в собственной стране как в осажденной крепости. Кроме явных врагов, думаю, их перечислять не стоит, понятно, нам же противостоит и огромная, просто необъятная масса «простого» народа. Его периодически науськивают на «экстремистов, стремящихся столкнуть Россию в пропасть», на шовинистов, националистов и вообще гадов, только антисемитизм нам не шьют, ибо в глазах этого самого простого такое звучит не как обвинение, а похвала. Это словцо берегают для обработки «интеллигенции», той только покажи пальцем и скажи: «антисемит», тут же начнут шарахаться, даже не удосуживаясь проверить, так ли это, ведь проверяющий уже сам по себе начинает выглядеть подозрительно. Таким обвинениям, с точки зрения вечно трусливо-озлобленного русского интеллигента, безопаснее верить слепо и так же слепо подчиняться вбитым в пустые черепа рефлексам.

По коридору навстречу грузно двигается Лукошин, огромный и широкий, невероятно толстый, с выпирающим брюхом борца сумо, еще не старый мужик, но уже с бородой лопатой, волосы длинные и падают на плечи неопрятными прядями. Пегая борода тоже разлохмачена, на усах что-то прилипло, ну что за лень в зеркало зыркнуть, все равно же перед дорогой заглядываешь в туалет... Или, как теперь входит в моду, все в лифте?

Подошел, издали протягивая мне руку, пахнуло облаком жареного лука, чеснока и мяса. Хотел даже обняться, я инстинктивно уклонился, а то еще и целоваться полезет, хотя по-русскости и почвенничеству гомосеков терпеть не может, но вот целование мужчин с мужчинами... вернее, мужиков с мужиками, считает нормальным.

– Борис Борисович, – прогудел он патетически, как церковный колокол, – я только что получил тревожное письмо от настоятеля церкви в Усть-Камше!.. Сообщает, что местные предприниматели отхватили часть земель, исконно принадлежащих церкви.

Я сдвинул плечами.

– На это есть суд.

– Но там одна тонкость...

– Ну еще бы.

– Церковь, – пояснил он воинственным тоном и выпятил грудь, достаточно широкую, но казалась бы еще шире, не переходя в объемистый живот и свисающие по бокам могучие валы, такими ограждали в старину крепости, – церковь давно не пользовалась теми землями! Да ладно, ну не пользовалась, кто раньше пользовался? Те земли лет семьдесят пустовали. Зато сейчас можно бы развернуть хозяйственную, как ныне говорят, деятельность, верно? Однако эти проклятые новые русские, наверняка отпетые бандиты, там что-то собираются не то строить, не то сеять... А то и питомник для скота, подумать только!

Он повернулся и шел со мной рядом, нависая, как утес на Волге, что мохом оброс, над утлым челном. И хотя я совсем не утлый, но возле Лукошина каждый чувствует себя утлым. Я остановился, протянул ему руку.

– Извини, Глеб, у меня срочное дело к Диме. А эта возня с церквами – разбирайся сам, ты у нас лучший знаток в этих вопросах!

Он с разочарованным видом пожал руку, моя ладонь утонула в его потной лапище, протянул разочарованно:

– Пора бы вам, Борис Борисович, встать к церкви ближе...

– Сам, сам, – повторил я.

ГЛАВА 2

Он остался смотреть мне вслед, а я, избегая его взгляда, без нужды толкнул дверь с надписью «Редакция РНИ». В тесной комнате с тремя компьютерами, что накаляют воздух, как в Сахаре, расположился лицом к двери широкий, слегка оплывший, как свеча на жарком солнце, высокий человек с редкими светлыми волосами. Перед ним монитор от Макинтоша. Я не вижу изображение, но, судя по сосредоточенному взгляду главреда, он рассматривает макет полосы, перетаскивает курсором куски текста, карикатуры, фотографии.

– Приветствую, Дмитрий, – сказал я.

Он поднялся, заулыбался, широкомордый, раскинул длинные толстые руки. Я дал себя обнять, некоторые не могут без этого действия. Им кажется, что не прояви вот такое интимное, то как будто бы ты враг, а раз уж прошел такое ритуальное, то очищен богами, свой. Некоторые, особенно суеверные, еще и лобызаются, прям взасос, как незабвенный Леонид Ильич, тот еще и гороскопы собирал, в черную кошку и в сглаз верил так же непоколебимо, как вот Дима Лысенко верит в славянское братство.

– Что-то случилось? – спросил он с участием.

– Да нет, – ответил я с досадой. – От Лукошина к тебе спрятался. Уже достал этими церквами!..

Лысенко смотрел с сочувствием, изрек:

– Больно вы мягкий, Борис Борисович. Надо уметь отбрыкиваться так, чтобы больше не липли. Даже гнилые демократы умеют, а мы, самая здоровая часть нации, тем более должны уметь говорить твердо и решительно... если уж по дипломатическим соображениям почему-то нельзя сразу в лобешник!

– Да уж, – сказал я с неловкостью. – Надо, надо...

– В лобешник?

– Да хотя бы научиться говорить «нет».

– Правда, – сказал он с опасением, – тогда перестанете быть политиком, гм... Это те ни да, ни нет, а всегда вот так уходят от вопросов.

– Да иди ты, – сказал я с досадой. – Что с выпуском?

Он вздохнул.

– Строгаю сам и передовицы, и половину материалов. Народ у нас побазарить мастера, но как до дела, сразу в кусты. То писать лень, то берутся, но двух слов не свяжут, а править не позволяют, они же гении... А есть и такие, что на словах весь мир на уши ставят, а в газете боятся слово сказать. Мы же фашисты, расисты, гады и все такое... Вдруг да их преследовать будут?

Он горестно махнул рукой, я сочувствующе промолчал. Больше всего недовольных положением русских в России, но меньше всего тех, кто за улучшение этого положения готов прищемить себе хотя бы мизинчик. Это курды обливаются бензином и жгут себя на площадях, чеченцы ведут на таран груженные динамитом автомобили, палестинцы с поясами шахидов проникают в толпу противника, ирландцы ведут вооруженную борьбу с англичанами, а баски – с испанцами, хотя, с нашей точки зрения, чего им делить, а вот русские стонут, вопят, жалуются, обвиняют, но всем хочется, чтобы кто-то другой за них все сделал, а им счастливую и сытную жизнь преподнес на блюде.

– Держись, – повторил я. – Должно же прийти пополнение?

Он хмыкнул:

– Разве что от скинхедов.

В коридоре Лукошина, к счастью, нет, я огляделся, вздохнул свободнее, ненавижу церковный вопрос, хотя он существует, похоже, здесь только для меня одного. Многие в РНИ в

той или иной форме придерживаются формулы: православие – монархия – народность, причем православие ставится впереди, что совсем уж нелепо в наше свободное время.

Я поднялся на третий этаж. Далеко в конце коридора возле распахнутого окна беседуют с бумагами в руках Белович и Бронштейн. Оба похожи не на русских националистов, как вон Лукошин, а на преуспевающих молодых энергичных бизнесменов из Парижа или Лондона. Оба в белых с синевой рубашках, с умело подобранными галстуками, аккуратно подстриженные, чисто выбритые, с подчеркнута европейскими лицами: длинноголовые, с высокими скулами и выступающими подбородками, оба арийски голубоглазые, похожие, как братья, только Белович носит очки, хотя, подозреваю, все для имиджа, как говорится. Сейчас зрение легко и достаточно дешево сделать стопроцентным не только в клинике Федорова, но уже во множестве ее филиалов.

Белович показывает Бронштейну бумаги, но не тыкает пальцем в строчки, как делал бы Лукошин, а, перевернув ладонь кверху, легонько постукивает по распечатке кончиками ногтей. При моем приближении оба повернули головы, в очках Беловича отразился солнечный свет, словно от зеркальных, но только на миг, Белович прекрасно воспитан и никогда не позволит себе надеть очки с зеркальными или темными стеклами.

Я скупно улыбнулся, их трудно заставить вместе, Белович очень обижается и переживает, когда из-за фамилии в нем подозревают еврея. К тому же и отчество – Маркович, Василий Маркович Белович, уже охрип доказывать, что в родной Белоруссии окончания фамилий на «ич» так же привычны, как в России на «ов», а на Украине на «енко». А имена Левко, Марко – самые распространенные как на Украине, так и в Белоруссии...

Бронштейн – да, еврей, он и не маскируется под Иванова или Петрова, Исаак Маркович Бронштейн – экономист, менеджер, бухгалтер, толковый работник, дело свое знает и делает с азартом. Для него РНИ – предприятие, которое должно процветать, вот и старается, чтобы с бумагами все в порядке, а то проверки идут одна за другой, эти проклятые демократы уже задолбали, он их ненавидит больше, чем коммунистов, те в прошлом, а эти придурки здесь, жить мешают.

– Приветствую, – сказал я.

– Слава России! – ответил Белович, а Бронштейн легко согласился:

– Да-да, слава-слава России, родине слонов и самых лучших в мире дорог!

– А что дороги? – возразил Белович задиристо. – Танки уже не застревают!

– Наши танки все проходимее, – согласился Бронштейн. – Вот Борис Борисович подтвердит, он был на авиашоу в Тушине.

Белович закатил глаза под лоб, пробормотал:

– Ах, Биробиджан, Биробиджан... Многовековая мечта русского народа...

Бронштейн сказал обидчиво:

– Ах, ви таки антисемит?

Белович отмахнулся устало:

– Знаю-знаю, зачем вы напустили в Россию всяких черножопых! Как будто стал бы Гитлер антисемитом, если бы еще тогда в Германию понаехало столько турок и негров, как сейчас!..

Я постоял, послушал их пикировку, поинтересовался:

– О чем спор?

– Исаак Маркович говорит, что надо делать какие-то шаги вперед...

– В России? – возразил Бронштейн. – В России стремительный шаг вперед только после пинка в зад.

– Судя по рекламе, – возразил Белович, – в России всего три беды: перхоть, кариес и менструация! Так из-за чего нам давать пинка?

– В России по-прежнему только две беды, – запротестовал Бронштейн, – дураки и... дуры! Хотя, конечно, как все дураки, оптимисты. Только в России каждую пятницу в газетах

печатают крупно объявление о конце света и мелким шрифтом печатают под ним программу передач на будущую неделю.

Белович помахал пальцем у него перед лицом:

– Вы никогда не задумывались, почему американцы, намекая на известный орган, показывают средний палец, а русские – руку по локоть? Это наш несимметричный ответ проклятому Западу. И намек, что если нам засадить палец, мы...

Я примирительно улыбнулся обоим, хорошо, хоть эти не заговорили ни о писсуарах, ни о церкви, пошел к себе, но по дороге передумал и направился к Власову, своему заместителю, этот приходит обычно раньше меня, сразу включается в работу, но, так как он не европеец, у которого это в крови, и не азиат, а нечто удивительное – евразиец, то иногда приходит ни свет ни заря, а иногда – после обеда.

Власов, как мой первый и единственный заместитель, занимает и должность начальника службы охраны, а заодно и службы безопасности РНИ. Правда, это делает из рук вон плохо, убежденный, что все мы здесь братья, из-за чего почти свободно ведут пропаганду всякие бронштейны. К счастью, его бездеятельность с лихвой компенсируется азартной работой Лукошина по выявлению врагов, он их находит десятками, и нельзя сказать, что у него паранойя.

В самом деле, если не считать Лысенко и Орлова, откровенных зубоскалов, эти над русскими смеются так же легко, как и над юсовцами, попадают и откровенные враги, что проникли в наше движение с целью вести подрывную пропаганду, сеять смуту, недоверие, стараться расколоть движение на враждующие между собой фракции, как уже удалось проделать сперва с христианством, потом с исламом, Интернационалом, коммунистической партией и прочими-прочими движениями, что могут помешать наступлению того, что сейчас прячется под эвфемизмом «глобализация».

Лукошин и к моему имени прицепился, что это за жидовское имя «Борис» среди истинно русских арийцев, да еще «Борис Борисович», на что первым вскинулся Лысенко, у них-де на Украине все великие герои-антисемиты из казачества носят имена Марк, Соломон, Лев, даже Богдан Хмельницкий на самом деле – Зиновий, а Богдан – казачья кличка. Церковью это имя, кстати, запрещено и проклято, ибо имена имеют право давать только священники, вот такие у нас рылы православные!

Бронштейн напомнил, что и Сталин не совсем жид, хоть Иосиф, под него, Бронштейна, косит, а Ленин не совсем русский, хоть Владимир.

Конец спорам положил Белович, принес распечатку из академического словаря. Борис – чуть ли не единственное чистейшее арийское имя, означающее «северный», в таком виде пришло и в Древнюю Элладу, где так стали называть все северное: борей – северный ветер, Борисфен, бор, даже народы в самой Европе, когда начинали дуть северные ветры, говорили: ого, подул бора...

Но и потом Лукошин не успокоился, все приглядывался ко мне, вдруг да жидовское мурло вылезет, история историей, но известно, кто борисами зовется теперь, а русские сейчас все – роланды, гарольды, ричарды и прочие генри. Я помалкивал, в любом обществе, партии, движении должен быть излишне бдительный, над которым хоть и посмеиваются, зато такой первым заметит и первые признаки вражеского проникновения.

– Борис Борисович!

Я оглянулся, по середине коридора идет в мою сторону, как линкор, Светлана Омельченко, замглавного редактора, правая рука Дмитрия Лысенко. Не сказать, что толстая, хотя близко, близко, а массивной выглядит от топающей походки и воинственного вида, жаждет отвоевать больше места для женщин, куда их не допускают злые мужчины.

Я приветливо улыбнулся.

– Привет, привет. Что так рано?

– Да у меня возникла идея, как расширить аудиторию нашей газеты, – ответила она. – А что, если...

Она излагала, я слушал, кивал, рассматривал сравнительно новое явление в жизни: женщину-политика. Понятно, что среди женщин нет ученых или изобретателей, не надо тыкать Скловской-Кюри: единственный пример за всю историю человечества заставляет вообще подозревать одного из первых трансвеститов, подумаешь, в джазе только девушки! – но зато среди политиков они вполне, вполне, ибо изобретать ничего не надо, а только умело переставлять готовые фрагменты мозаики, созданной вообще-то мужчинами. Благодаря этому умелому комбинированию готовыми кусочками женщины хорошо сочиняют женские романы или детективы, где ничего придумывать не надо, а только рыться в чужом белье: кто к кому ходил, что сказал и кто кого за это убил.

Правда, и в политике женщины в основном уступают мужчинам, но уж если попадают женщины-политики, то готовы спорить за место рядом с Талейраном или Макиавелли. Светлана как раз такая женщина, всегда мягко улыбающаяся, Карнеги почитывала, с хорошей фигурой, не спортивной, а именно женской: с приподнятым выменем, не шибко тонкая в поясе, зато с задиристо оттопыренным задом, напористая, целеустремленная и умеющая безошибочно оперировать тем арсеналом доводов, который удалось понять и усвоить.

Я слушал ее полную патетики речь, кивал, в то же время автоматически анализировал, наблюдая за ее преисполненным негодованием лицом и горящим взором. Хороший она политик, хороший. Даже, может быть, лучший из женщин, но все равно ей далеко до сильных политиков-мужчин. Слабеньких да, обходит, но до сильных никогда не дотянуться.

Пожалуй, я единственный политик, который говорит в любом случае правду, из-за чего мне никогда не выбраться из аутсайдеров, ведь я сразу теряю половину голосов – женские голоса. Даже больше чем половину: женщины добросовестнее посещают выборы, чем мужчины.

Распределение сил и талантов в связке «мужчина – женщина» везде такое же, как в спорте, только в спорте сразу видно, кто сильнее, а в науке, искусстве, политике, философии и прочих-прочих видах деятельности пока что можно разводить демагогию и рассказывать, что женщин зажимают, не дают ходу. Ну весь тот привычный набор обвинений, что предъявляют негритянские лидеры, когда выколачивают для своих черношкурых дополнительные льготы.

Но какое зажимание, когда вот вам шахматная доска, по одну сторону садится негр или женщина, без разницы, по другую – мужчина. Вот и докажите, что у вас интеллект, а не только требования на равное участие в управлении обществом. Но что-то ни негры, ни женщины не преуспевают там, где требуются мозги, творчество! Не случайно даже лучшие повара – мужчины. А уж политика – это и наука, и искусство, и соревнование, и философия. Потому слабость и дурость партии прежде всего заметны по тому, сколько в ее руководстве женщин. Чем больше, тем партия ниже по боевитости, интеллектуальному уровню и прочим показателям. Женщины могут быть прекрасными бойцами и командирами младшего и даже среднего звена, но только не генералами.

Это не значит, что женщины хуже мужчин. Напротив, лучше, ценнее, потому природа благоразумно оставляет их в пещерах, а наружу выпускает мужчин, чтобы исследовали мир, гибли массово, зато выжившие принесут и добычу, и ценную информацию для выживания вида.

А стремление женщин отметиться и в политике – то же самое, что нынешнее увлечение тяжелой атлетикой, бодибилдингом, женским боксом...

– Хорошо, – согласился я. – На редколлегии и обсудим. Мне понравилась сама идея. Спасибо, Светик!

Она кисло улыбнулась, предпочитает быть не Светиком, а Светланой Омельченко, я взялся за ручку двери, но не успел потянуть на себя, из-за поворота вышли Лукошин и Белович.

Лукошин горячится, размахивает руками, я видел, как морщится аккуратист Белович, отстраняется, стараясь делать это незаметно, вдруг да Лукошин забрызгает с головы до ног слюной. Белович до перехода к нам занимался разработкой каких-то систем на молекулярном уровне, там не погорячишься, наука не терпит суеты и эмоций... Вообще политика вся от начала и до конца подвержена влиянию человеческих эмоций, далеко не всегда идущих от коры головного мозга, гораздо чаще – от спинного. Все влияет на суждения в области политики: воспитание в детстве, окружение дома и на работе, увиденная толпа кавказцев на улице, повышение или понижение на службе...

Я вздохнул, сам из стаза ученых, люблю ясность, но как раз политику алгеброй не проверишь. Это чуть ли не единственное, чем занимается человек, что в такой мере подвержено сиюминутному влиянию, переменчивости. Каждый из нас занимается политикой, хочет этого или нет. Даже пьяненькие мужички на детской площадке – занимаются политикой, разница между ними и лидерами крупных партий лишь в степени влияния. Единственное, что надо стараться делать всегда, – соблюдать беспристрастность... хотя это и недостижимо. Достижимо разве что, хоть и крайне трудно, оценивать случившееся без предвзятости.

Да, повторил я себе, без предвзятости, хотя это очень трудно. Это в науке правильный результат всегда один, остальные – неверные. В политике даже честные люди отстаивают ту или иную концепцию, когда она выдвинута их партией, но яростно набрасываются на нее же, если ее предлагает противник. И не всегда потому, что «грязные политики», зачастую те же самые тезисы у противника звучат совсем иначе...

Белович наконец сумел освободиться, улизнул, пустившись по коридору чуть ли не вприпрыжку, а Лукошин ухватил за рукав проходившего мимо Володю Гвоздева, верстальщика из команды Лысенко, стал объяснять ему, все так же размахивая руками и багровея лицом. Гвоздев, просто недалекий малый, хоть и прекрасный работник, горбился, пугливо поглядывал по сторонам, пытался отстраниться, но Лукошин держал крепко. Я вспомнил, что во всех партиях, как в движениях и сектах, самые невежественные – обязательно самые целеустремленные и фанатичные.

Мне еще предстоит с ними столкнуться на выборах, Лукошин сформировал большую группу таких же фанатичных сторонников поисков древних русичей на просторах Малой Азии, в древней Европе и даже по ту сторону океана, куда, оказывается, еще раньше викингов заплывали русские поморы и создали там русское государство, по ошибке называемое цивилизацией инков и майя.

– Нет-нет, – сказал я быстро, когда Лукошин обратил горящий взор в мою сторону, – меня ждет Власов, архисрочное дело-с!

Власов склонился над бумагами, от двери я увидел только плотные и жесткие, как у лесного волка, но совершенно белые волосы. Власов – руководитель тоже европейского типа, как и Белович с Бронштейном, хотя по возрасту старше обоих, вместе взятых, однако сразу видно, что все-таки европеец в духе а-ля рюс, что значит, евразиец: справа монитор, слева коробка компьютера, сам же с огромным брюхом теснится между ними с россыпью бумаг, где поверх дымится ароматным паром вместительная чашка с кофе, коричневые круговые следы на всех документах, там же телефон, похожий на старинный калькулятор, и калькулятор, смахивающий на компьютер будущего. Везде разбросаны разноцветные листочки с нацарапанными указаниями себе не забыть: сделать, позвонить, принять, напомнить, проверить, сделать к такому-то числу. Эти листочки приклеены на видных местах, но в хаосе бумаг их не очень-то и заметно.

Кучи карандашей и авторучек, часть выглядывает из стаканчика, но куда больше раскатилось по столу, прячутся под бумагами, подобно минам, да и срабатывают как мины, когда Власов торопливо ставит чашку с кофе на стол и хватает трубку трезвонящего телефона. У него лицо законченного неудачника, как у Джорджа Вашингтона на долларовой купюре. Однако, как у первого американского президента, так и у Власова, обманчивое выражение, а приосте-

кает всего лишь потому, что Власов видит дальше других и за первыми победными шагами обычно рассматривает массу трудностей, которых еще не заметили соратники.

Он поднял голову, на лице выражение вселенской скорби, как у ослика Иа. Он настолько похож на Расула Гамзатова, что однажды в книжном магазине раздавал автографы. Показалось проще отвязаться, чем объяснять, что не Гамзатов. Впрочем, он повыше Гамзатова, да и брюхо побольше, выпирает так, что сразу видно – большой начальник, очень большой, вечный номенклатурный работник...

Кто так сказал бы, не ошибся: Власов всю жизнь состоял в номенклатуре, начиная еще с комсомольской юности, за долгую жизнь побывал и директором бани, и начальником главка, руководил леспромхозом в Коми АССР, ловил рыбу в Тихом океане, отвечал за исход битвы за урожай на Кубани и создавал на базе укрупненных колхозов совнархозы, а потом, после брежневского переворота, сам же распускал свой совнархоз и снова восстанавливал колхозы и совхозы. В то время он уже был на партийной работе. К слову сказать, на любой работе он справлялся вполне успешно, ни одного срыва, и только нежелание подлаживаться под вышестоящих не позволило ему вскарабкаться на самые высокие ступеньки власти.

Сейчас этот семидесятилетний государственный муж у нас в партии. Его огромный опыт и знание людей служат делу и приносят пользу, но я еще никогда не видел, чтобы с его лица полностью исчезла эта мировая скорбь. Даже когда улыбается, видно, что улыбка только сейчас, а вообще-то, ребята, нам не до смеха, разве не видите?

Он взглянул с подозрением.

– Ты чего такой затравленный? Уже по своему учреждению передвигаешься перебежками?

– Подсмотрел?

Он хмыкнул с превосходством старого опытного волка над молодым волчонком.

– А иначе нельзя. Все руководители так начинают. Есть только два пути: или прятаться от подчиненных, или делать так, чтобы сами разбегались.

Я пожал ему руку, кивнул на загроможденный стол.

– Зачем тебе факс? Да еще такой допотопный! Столько места занимает!

Он проворчал уязвленно:

– Да я им пользуюсь же...

– Не позорь движение, – посоветовал я. – Ты бы еще ямщиков завел! Все давно перешли на емэйлы, электронные подписи, видеоконференции. Не делай из нас посмешище.

Он скривился.

– Мы по имиджу должны быть консерваторами!

– Почему?

Он сдвинул плечами.

– Не знаю. Но так принято.

– Плюнь, – посоветовал я. – Мало ли что кем-то когда-то для кого-то принято. Обнови технику. Мы небогатая организация, но выделенка у нас пашет неплохо. Почему не пользуешься?

– Ладно, – проворчал он – Главное, чтобы дело шло. А то у других такие навороты в технике, а сами как были идиотами, так и остались.

– Тебя апгрейды не испортят, – сообщил я. – Зато пахать на тебе можно будет глубже.

– Эксплуататор!

– Человек человека, – согласился я. – Это тебе не прошлое время, когда человека человек!

Он нахмурился, стараясь понять, где же тут мина, я улыбнулся, хлопнул по плечу, хотя и нехорошо хлопать того, кто вдвое старше, но я ведь начальник и отец народа, в отдельных случаях допустимо, а границы допустимости определяем сами.

Закрывая двери его кабинета, огляделся, в коридоре пусто, все уже знают о прибытии шефа, разбежались по рабочим местам. Я поднялся к себе. У двери с надписью «Секретариат РНИ» дежурит молодой парень в ладно скроенном костюме. Слегка вытянулся при моем приближении, просветлел лицом, в глазах восторг и преданность. Даже неудобно чуточку, как будто обманываю таких вот чистых и преданных движению. А этот парень, как и все в нашем РНИ, чист и предан Отечеству, для него слова: «...сперва думай о Родине, а потом о себе» – не пустые слова.

У нас не столько людей, чтобы я не знал всех членов партии в лицо, и хотя этот новичок появился два дня назад, я сказал дружелюбно:

– Здравствуй, Кирилл. Ты с ночи?

– Нет, заступил час назад, – ответил он, донельзя счастливый, что с ним заговорил сам фюрер.

– А, ну тогда терпи, – сказал я и хотел толкнуть дверь, но Кирилл поспешно открыл ее для меня, вождя движения. Это еще не мой кабинет, предбанник, за длинным и настолько узким столом, что абсолютно не скрывает изумительно длинных и совершенных ног, Юлия разговаривает по телефону, держа трубку в левой руке, правая на раскрытой тетради, тонкая серебряная ручка подрагивает в ожидании. Слева широкий экран плоского монитора, беспроводная клавиша и грызун, справа папки с бумагами. Увидев меня, улыбнулась одними глазами, красивая, элегантная, в строгом светлом костюме, что так идет к ее милому и очень неглупому лицу. Она выглядит не как секретарь, подумал я, а как энергичный бизнесмен в юбке, очень деловая, активная, все мгновенно схватывающая, никогда ничего не забывающая, в то же время умеющая так очаровательно улыбнуться, что самое холодное сердце дрогнет и чуточку подтаает.

Как и Белович, она в дорогих очках в массивной оправе, такие раньше называли профессорскими, но у Юлии почему-то именно эти профессорские выглядят, я бы сказал, скорее эротически, чем профессорски. Так ничем не примечательные девчухи становятся гораздо симпатичнее, когда одеваются в сугубо мужскую форму: военную, милицейскую или пожарную. Юлия не относится к непримечательным, в ней чувствуется порода и воспитание, закончила престижный институт по модной ныне профессии или специальности имиджмейкера. Не знаю, что это такое, но работает совсем не имиджмейкером, а обыкновенным секретарем у такого неприхотливого босса, как я.

Она снова улыбнулась мне, а невидимому собеседнику сказала мягко:

– Да-да, вы совершенно правы... мы это примем к сведению. Спасибо. До свидания.

Она опустила трубку, рукав соскользнул и скрыл элегантную тонкую кисть с блестящим браслетом. Не целебным, естественно, националистам в такую дурь верить – смешно, неприлично, да и на всякий случай запрещено, а просто сделан нарочито массивным, толстым, чтобы подчеркнуть изящество и красоту ее руки.

– Советуют, как нам жить? – спросил я. – Да, Россия – все еще Страна Советов. Здравствуй, Юля. Что известно про Андыбина?

Она улыбнулась:

– Здравствуйте, Борис Борисович. Сейчас посмотрим.

Легким толчком проехала на кресле с колесиками к монитору, стол настолько узок, что перед монитором не помещается даже клавиша, приходится работать чуть сбоку, поглядывая на монитор, зато узкий стол не отделяет от посетителей, напротив, создает атмосферу открытости и сердечности, не говоря уже о том, что позволяет любоваться длинными ногами совершенной формы. А если учесть, что приходят почти исключительно мужчины, то такой пустячок тоже срабатывает, еще как срабатывает.

– Вот, – сказала она деловито, – его последние сообщения из командировки по регионам. Завтра к вечеру обещает быть в Москве. Послезавтра выйдет на работу.

– Послезавтра суббота.

– Ну, вы же знаете Андыбина...

– Знаю.

Я улыбнулся, нельзя не ответить тем же на ее улыбку, отпер ключом дверь кабинета. С порога охватил цепким взглядом, не заметно ли обыска, в нашей партии это обычное дело, правительство до свинячьего писка страшится патриотов, только мы и являемся защитниками страны, потому всеми силами старается прижать нас, заставить умолкнуть.

Компьютер включился по щелчку пальцами, на экране зажегся мягкий приглашающий к работе свет. Высветилась заставка: три переплетенные буквы РНИ, то есть Русская Национальная Идея. Кто-то из великих мудрецов сказал однажды: кто не был националистом в молодости – тот равнодушный скот. Не помню кто, но сказано прекрасно и точно. Конечно, этих равнодушных скотов, озабоченных только своим существованием, в стране и в мире абсолютное большинство. И «простых людей», и с высшим образованием, но не они определяют характер общества, не они его ведут или тащат по той или иной дороге.

Да, националистов в любом обществе меньшинство, почти все они проходят обязательные стадии национализма: мой дом – хорошо, а все остальное – чужое, потом вычленяется общность микрорайона или улицы, потом осознается единство с народом и начинаются поиски героических деяний в прошлом, чтобы было чем гордиться сейчас. Это не последняя ступень, впереди еще одна линька, хотя до нее не все попросту доживают – осознание общности с национальностью людей и тревоги за их существование: ведь и ядерного оружия многовато, и блуждающий астероид может сослепу столкнуться с Землей, и еще много напастей впереди, не хрен драться в семье, когда жукоглазые строят империи в космосе...

Но сейчас мы – русские националисты, единственная партия, кто действительно живет мыслями о России, страстно желает вытащить ее из того дерьма, в котором оказалась по вине демократов. У всех остальных партий – борьба за власть, за жирные куски, за место у кормушки. Быть националистом – крайне невыгодно в современном обществе, где и не скрывают, что сперва нужно думать о собственном желудке, а потом... нет, и потому о Родине думать как-то глупо, нужно думать о себе и только о себе.

Некоторое время я стоял у порога, сообразил вдруг, почему заходил к Власову, почему заглянул к Лысенко, газета – только предлог, почему сейчас не хочется за свой рабочий стол, хотя еще полгода назад вбегал в кабинет и сразу же бросался к компу.

На экране появились пункты: это сделать, с этим встретиться, такого-то принять, там-то побывать, и я деревянными шагами направился к рабочему креслу.

Голова стала тяжелой, в висках начало покалывать. Циферблат в уголке монитора бесстрастно сообщил, что я неотрывно всматриваюсь в проплывающие по экрану документы три часа кряду, пора бы маленький перерыв, да чтоб еще бросить в желудок что-нить калорийное.

В коридоре третьего этажа, все там же у открытого окна, все те же Белович, Лукошин, только место Лысенко занял Файзуллин. Все трое нещадно дымят сигаретами, дым столбом, почему-то идет не в окно, а опускается к полу и тихо-тихо темной волной протискивается под дверь бухгалтерии.

Мне показалось, что оттуда доносится кашель Бронштейна, но его заглушил веселый похохатывающий голос Беловича:

– Ох и нажрался я вчера!.. Не помню, как и домой добрался. Сперва бухали с Мишей и Колей, потом к нам заглянули Вадим с Наталкой, у них с собой два коньяка, а мы уже и так тепленькие, а затем уж и не знаю как у Мишки отыскалось в застолье две «столичной»!.. Вадим с Наталкой куда-то делись, или то был не Вадим, а Мишка, а Наташа еще была с нами, очень веселая девка, теплая такая и мягкая... Глеб, ты ничего не помнишь?

Лукошин мотал головой:

– Меня с вами не было, я пил в это время со своим шурином. Тот явился с одним приятелем и тремя бутылками водки...

Он тоже начал рассказывать, сколько вчера выпил и как едва добрался до дому, я слушать не стал, просто поставил воображаемую галочку и напротив имени Лукошина. Есть житейское правило, что взрослые люди не преувеличивают, а преуменьшают количество выпитого, но у большинства мужчин остается этот комплекс подростковой охоты рассказывать о пьянках, бахвалятся ими, словно это нечто достойное похвалы, даже преувеличивают.

Поездив по странам Европы, побывав в Штатах и на Востоке, я вообще-то не видел, чтобы так вот бахвалились пьянством. Восток вообще можно не упоминать, мусульмане не пьют, но даже на гнилом Западе понимают, что порок есть порок, о нем лучше помалкивать, изживать по возможности, а когда что-то толкает на путь греха, надо осознавать, что поступаешь нехорошо и что вообще-то в остальное время мы ни по бабам, ни в азартные игры, не упиваемся, не вытираем туфли скатертью и не писаем в раковину для мытья рук.

Они заметили, что смотрю с осуждением, начали торопливо гасить сигареты и, мы же в России, эффектным щелчком пальцем отправлять окурки в окно. Там тротуар, дворник уберет. А здесь целых семь шагов до урны.

– Через час планерка, – сообщил я, когда они начали разбегаться. – Всем начальникам отделов – быть!

– Не опоздаем, – заверил Белович.

– Я себе даже запишу, – пообещал Лукошин, – в раздел самых важных дел!

Файзуллин лишь виновато улыбнулся, испарился, стараясь сделать это так, чтобы между ним и мною оставались Белович или Лукошин.

На летучку стянулись не через час, мы же в России, а через полтора. Пришли не все, кто должен был прийти, зато явились двое из низшего звена. Хорошо, что пришли еще трезвыми, хотя сейчас еще утро, да и некоторые постарались сесть подальше, чтобы выхлопы не достигли моего стола.

Планировали работу на следующий месяц, Власов привычно нажимал на усиление работы с регионами, именно там еще русскость, а столицу заполонили черножопые, не говоря уже о жидях, те даже правительством вертят как хотят, Бронштейн умело сопротивлялся, указывая на непомерные статьи расходов, мы-де не партия власти и не «Россия – это Русь!», что вроде бы в оппозиции, но получает от правительства несметные средства, Белович и Лысенко напирала на возможность создания молодежных групп типа скинхедов, но «с человеческим лицом», а Лукошин упорно переводил в план духовности и богоизбранности русского народа.

Сквозь плотно закрытые окна пробивается шум и гам. Я бросил косой взгляд в ту сторону, сквозь полуспущенные жалюзи видно все увеличивающуюся толпу. Прибавилось плакатов, особенно много о патриотизме, который прибежище негодяев. Написанные разным почерком и от разных групп, мерно подпрыгивают над головами, на одних это изрек Черчилль, на других – Ротшильд, а на одном стыдливо мелькнуло авторство Евтушенко.

Белович чуть приподнял жалюзи, плечи приподнялись и опустились в тяжком вздохе.

– Часам к шести, – произнес он, не поворачиваясь, – когда народ повалит с работы, этой дряни наберется полная площадь!.. Западные СМИ растиражируют!

Власов тоже выглянул, ухмыльнулся:

– Пусть клеветают.

До Беловича не дошло, анекдотов той эпохи не знает, даже не поймет, в чем соль, взглянул на часы, предложил:

– Вызвать бритоголовых? Те им быстро рога свернут!

Бронштейн посмотрел через наши плечи, приподнявшись на цыпочки, возразил:

– Ни в коем случае!

Белович воззрился на него враждебно.

– Это почему же?... Вам, Исаак Маркович, дела государственные не понять. Или вы тоже намереваетесь в политику, так сказать?

Бронштейн энергично помотал головой.

– Бухгалтер не может стать политиком. Исключено.

– При чем здесь бухгалтеризм?

– Для бухгалтера, – пояснил Бронштейн, – любое высказывание может быть либо верным, либо неверным, а у политика истина где-то посередине. Я хочу спросить, а что общественность скажет? Хулиганы из РНИ напали на мирно протестующую по всем канонам свободы молодежь? И на чьей стороне будет общественное мнение?

Лукошин взглянул в мою сторону выразительно, мол, видите, Борис Борисович, этот гад своих защищает, поинтересовался густым церковным голосом:

– А когда это бритоголовые стали нашими?

– Народ не отличает, – возразил Бронштейн резонно. – Для него нет оттенков. Все патриотически настроенные движения для простой русской интеллигенции – РНИ, так что мы на самом деле отвечаем за всех, хотя эти все нам и не подчинены.

Я смолчал, он прав, а Лукошин спросил так же благостно, словно причащал у аналоя заблудшую овцу:

– А что вы предлагаете, Исаак Маркович? Выйти смиренно и принять у них все требования? Согласиться выполнить все, а это значит – подняться повыше и выпрыгивать головами вперед на асфальт?

Бронштейн подумал, сказал медленно:

– Есть у меня концы в движении геев за равные права... Нет-нет, не подумайте, у меня все в порядке, просто школьный приятель там в руководстве. Нет, он тоже не гей...

– Да и вы, Исаак Маркович, – почти пропел Лукошин, – вроде бы не совсем уж русский националист...

Бронштейн сделал вид, что не заметил подколки:

– Что, если позвоню и предложу вывести его активистов на демонстрацию протеста против русского национализма? Он, правда, очень интеллигентен и не желает никаких стычек, но пообещаем, что бить не будем... в смысле, я пообещаю. Зато будет много корреспондентов, придет телевидение...

Белович спросил с интересом:

– У вас и там школьный приятель?

– Нет, – ответил Бронштейн скромно, – там у меня двое с институтской скамьи... Очень милые, кстати, люди. Интеллигентные, хоть и на телевидении. И совсем не идиоты, хоть и постоянно на работе. Словом, организуем в лучшем виде.

Лукошин пыхтел и наливался багровым, стал устрашающе огромным. Белович даже опасно отодвинулся, вдруг да лопнет, а у него белая рубашка. Я кивнул, указал на телефон:

– Звони!.. Пусть поторопятся. Ну, по возможности.

Обрадованный Бронштейн сказал быстро:

– Да-да, я скажу, что телевидение уже выехало.

Он ринулся к телефону, Лукошин проводил его яростным взглядом, прошипел:

– Что-то он слишком большое влияние получает!

– Идея хороша, – возразил я. – Пусть рядом с этими правозащитниками потрясают плакатами и гомосеки. У нас народ гомосеков не любит, за людей не считает. Так что колеблющиеся из зрителей станут на нашу сторону. Через три часа кончится рабочее время, народ поедет мимо, увидит такое...

Бронштейн что-то рассказывал в другом конце комнаты, свободная рука чертила в воздухе фигуры высшего пилотажа, он делал страшные глаза, пальцы ерошили волосы, наконец

опустил трубку, тут же выхватил крохотную записную книжечку, замелькали странички, видно было, как выдохнул с облегчением, отыскав нужный телефон, а мог же и не отыскать, понятно, какие у него там закадычные дружки, один жидомасон на другом жидомасоне, торопливо набрал номер, долго слушал, наконец заговорил тоже быстро и возбужденно.

Мы наблюдали за его лицом, явно сулит выигрышные кадры, сенсационные снимки, нобелевки за правдивый и точный репортаж, всемерное содействие и гарантию, что фашиствующие молодчики из РНИ не побьют телекамеры и стекла в пенсне.

Подошел к нам раскрасневшийся, довольный, словно сорвал куш в казино.

– Прибудут, – сообщил он счастливо. – Почти одновременно! Телевизионщики как раз аппаратуру успеют развернуть. Кстати, я еще и трансвеститов подбил явиться. Пришлют двести человек.

Лысенко спросил с интересом:

– В их наряде?

Бронштейн оскорбился:

– А кому нужны в другом? Все будет в ажуре: двести мужиков, одетых раскрепощенными женщинами!.. И размалеванные, как... тьфу. Нам надо будет выставить охрану, чтобы их не измордовали. Первыми с работы едут, как вы знаете, рабочие с заводов, как бы не остановили автобус, видя такое надругательство над их мужской гордостью, да не выскочили бить.

Лукошин сказал подозрительно:

– Ну и пусть бьют, вам-то зачем защищать такую мразь? Или классовая, чтоб не сказать круче, солидарность?

Лысенко расхохотался, не дав оправдаться Бронштейну:

– Исаак прав. Пусть западные СМИ, да и наши, покажут, какая дрянь выступает против русского национализма! И заодно покажут, что члены нашей партии не только их не трогают, но даже защищают от разгневанного народа!

Лукошин насупился, но смолчал, ход хорош, подлый ход, как все у этих гребаных жидов, но хорош. По врагу, использующему любое оружие, чтобы опорочить русское движение патриотов, надо бить его же оружием.

Белович чему-то хихикнул, глаза заблестели, сказал весело:

– А какой анекдотец мне рассказали!.. Американец спрашивает у Бога: когда моя страна станет богатой? – Через двадцать лет, – говорит Бог. – Эх, не доживу... То же самое спрашивает француз, Бог отвечает, что через тридцать. Эх, говорит француз, не доживу... Тут наш русский спрашивает, когда, мол, Россия станет богатой, на это Бог отвечает: эх, не доживу...

Он сам же и расхохотался первым, Лысенко усмехнулся бледно, еще Бронштейн попробовал улыбнуться, но, возможно, из вежливости, зато Лукошин нахмурился, черные мохнатые брови сдвинулись на переносице, глаза свернули, а в голосе прозвучали стальные нотки:

– Странные анекдоты рассказываете. Что-то я не слышал, чтобы вы так же юсовцев порочили, как Россию грязью забрасываете!..

Белович поморщился.

– Да ладно вам, Глеб Васильевич...

– Не ладно! Вы думайте, что рассказываете!

Он взглянул на меня негодуя, я кивнул, соглашаясь целиком и полностью. Понятно, когда такие анекдоты рассказывает про нас враг, но если мы сами о себе такое, то на такой нации можно ставить жирный крест.

ГЛАВА 3

После планерки я поработал с документами еще с часок, наконец ощутил, что, если не сделаю перерыв, уже не сумею отличать дурь от еще большей дури, поднялся, потряс головой, как пес, что выбрался из реки на берег, только что не отряхнулся всем телом, выбрался в приемную.

Юлия поинтересовалась:

– Исчезаете, шеф?

– Только в пределах офиса.

– Надолго?

– Минут на десять, – заверил я. – Если кто придет, попроси подождать. Я у Лысенко.

Посмотрю верстку завтрашнего выпуска.

Юлия то ли сумела так себя поставить, то ли в самом деле значит в нашей организации все больше, словом, уже в коридоре я напомнил себе с некоторой досадой, что можно, конечно, сказать, где буду, но не объяснять остальное, а то какая-то суетливость в этом, как будто оправдываюсь, а я ведь шеф, даже не какой-то задрипанный шеф, а вождь партии русских националистов, можно сказать – фюрер, здесь все должно проходить на некоем подсознательно ожидаемом уровне: резковато, отрывисто, мужественно, без сантиментов и длинных разъяснений.

Отворил дверь, в ноздри шибануло знакомым кисловато-резким запахом, за накрытым столом, кроме самого Димы Лысенко, его помощники – Шургин и Орлов, рожи красные, довольные, глаза блестят. Когда стол называют накрытым, то это в Европе или в гребаных Штатах можно все, что угодно, вплоть до того, что накрыт контрактами, договорами, книгами или кирпичами, но в России это значит только водку и закуску. Сейчас со стола на меня вызывающе уставились, ну и чо скажешь, три бутылки водки, тощие бутерброды и банка с солеными огурчиками. Одна бутылка уже заканчивается, две наготове, откупорены. Верстальщик Гвоздев явно смылся в столовку, нельзя же сидеть в компании и не пить, это не по-русски. Я ощутил тоску, а потом чуть ли не приступ тошноты. Это в нашей цитадели, где самые лучшие? Где отвагою горят и сердца для чести живы?

Лысенко перехватил мой взгляд, с некоторой виноватостью кивнул на стол.

– Француза поймем сердцем, англосакса – трезвым и холодным рассудком, а загадочную русскую душу приходится понимать печенью. Сегодня же понедельник! Для русского человека: пить или не пить – не вопрос...

Я сказал раздраженно:

– А кто в выходные заставлял заливать мозги? Знаешь, ни у одного народа не наберешь столько историй, анекдотов и шуточек насчет выпивки!

Орлов подхватил с видом заправского подхалима:

– Я как ни включу наш фильм, обязательно пьют! Долго, со смаком. И рассуждают пьяные, рассуждают... А вот в штатовских не то что пьяных нет, там даже не курят. Да что не курят: ни разу не видел, чтобы Шварценеггер, Сталлоне, Ван Дамм или любой из этих самых даже жвачничал! А вот наш шеф курит, Борис Борисович!

– А что, – возразил Лысенко с гордостью, – еще князь Владимир ответил мусульманам, что на Руси – веселие пити! Вот и пьем, мы же православные.

– Когда пьем, – объяснил более интеллигентный Шургин, – мы как бы протестуем.

– Против чего? – спросил я.

– Против несправедливости.

– Какой?

Лысенко и Орлов смолчали, поглядывали на интеллектуала, а Шургин объяснил добро-совестно:

– Разной. Всякой.

– Против всеобщей, – подхватил и начал развивать мысль Лысенко, он же все-таки босс нашей газеты. – Против вселенской! Все по Камю: надо иметь мужество отчаяния, чтобы понимать абсурдность мира. Только мы открыли это за пять тысяч лет до Камю и Олдспайсера. Вот и пьем, потому что мы – люди, мыслящие люди. А кто не пьет, тот простое немыслящее и недумающее двуногое. Животные ведь не пьют?

Я смолчал, Лысенко, ерничая, в самом деле высказал, возможно, то самое, что в основе нашего пьянства, а также полнейшего нежелания добиваться материальных благ. А на фиг оно все, если все равно помирать, а в могилу не унесешь ничего, кроме двух пятаков на глазах... Так стоит ли даже начинать трудиться, чего-то добиваться, куда-то карабкаться? А пока пьешь, вроде бы в ином мире... Сейчас на помощь пьянству пришли баймы, в их мире тоже сам верховный судья, царь и воевода. На Западе их делают, а у нас потребляют. Казалось бы, что нужно, чтобы сделать самим? Обычный компьютер и два-три человека, которые любят работать. Увы, на всю Россию таких не набирается, зато из пальца высосали идею, что наши программисты – лучшие в мире. Уже видно, насколько.

Орлов хихикнул в кулак, сказал очень серьезно:

– Шеф ЦРУ доложил президенту, что народ, который до сих пор хранит деньги в Сбербанке и пьет, не закусывая, победить невозможно!

Шургин хохотнул и вставил свою копеечку, чуть менее затертую:

– Англичанин имеет жену и любовницу. Любит жену. Француз имеет жену и любовницу. Любит любовницу. Еврей имеет жену и любовницу. Любит маму. Русский имеет жену и любовницу. Любит выпить. Что мы, собственно, и делаем, так как... русские!

– Нам надо поработать, – объяснил мне Лысенко, – а русский человек не может рассуждать здраво и трезво... одновременно.

– Чем меньше пьешь, – поддержал Орлов, – тем меньше русский!

Оживились, наперебой выкладывали эти мудрости, создалось впечатление, что целыми днями торчат на anecdot.ru, а в перерывах бегают за водкой. Что за дурацкая ситуация: в России пить – признак доблести? Да, верно, никто не скрывается, этим гордятся. Любой подросток хвастается, как он вчера, дескать, нажрался водяры так, что обрыгался, обоссался и даже обосрался, ничего не помнит, расскажите, что он вчера творил, а? И это без стыда, с гордостью! А взрослые вообще презирают тех, кто не пьет. Ну что за страна...

Я спохватился, едва вслед за сраными демократами не сказал: «эта страна», совсем вершина падения, черт бы побрал эти игры со словами. Как раз та ситуация, когда русский человек способен тосковать по Родине, даже не покидая ее! Вот я уже и тоскую. Еще один умник заявил, что Россия – мировой лидер по числу непонятных праздников, но это только трезвым людям они непонятны, а по числу трезвых людей Россия в лидеры выходить пока не собирается. Когда это говорят в компании, то, можно ли поверить, кроме обычных смешков, мол, юмор, понимаем, в то же время в самом деле – гордость, гордость!.. Начинаем гордиться даже тем, что мы – самая пьющая страна! Если раньше гордились тем, что первыми запустили спутник и человека в космос, то сейчас – что пьем больше всех!

Или вот еще ха-ха: в Германии за рулем задержана иностранка, в крови которой обнаружена трижды смертельная доза алкоголя. Вся Россия с нетерпением ждет объявления национальности нарушительницы! Каково? Уже смеются, юмор в том, что всем национальность нарушительницы понятна, так сказать, по дефолту. Уже клеймо, как навроде тех, что все французы – бабники, прибалты – тугодумы, шотландцы – скупердяи, немцы – вояки, англичане – овсянкоэсы... А русские, значит, косорукие пьяницы. Бабников, тугодумов, скупердяев, вояк и любителей овсянки – можно принимать всерьез, а вот спивающихся – нельзя. С ними вообще считаться не стоит. С ними самими, их претензиями, желаниями...

Я ничего не сказал, так лучше, только посмотрел на них долгим взглядом, покачал головой и вышел, постаравшись не хлопнуть дверью. Хлопнуть дверью – это снизить впечатление. Пусть будет вот так, тихо.

И пусть Лысенко поймет, почему я не стал смотреть верстку.

Власов в своем кабинете стоит перед окном и, заложив руки за спину, угрюмо смотрит через стекло на улицу.

– Что-нить интересное? – поинтересовался я.

Он повернулся всем телом, тяжелый, грузный, как авианосец, лицо массивное, мясистое, целыми пластами под действием гравитации сползающее на грудь, отчего такие холмистые щеки и три подбородка, один другого краше. Нос нависает над верхней губой, толстый рот скорбно опущен уголками вниз, похож на старого разочарованного еврея. Вообще многие при всей арийскости в молодости к старости все больше и больше походят на евреев.

– Да так, – ответил он с неопределенностью в голосе. – С каждым прожитым десятилетием интересного все меньше.

– Ну да, – сказал я бодро, – а Интернет?

Он скривился.

– Мелочь.

– А что не мелочь?

Он пожевал губы, поморщился еще больше.

– Уже и не знаю. Только нового ничего.

Руки все так же держит за спиной, словно заранее избегает любого поползновения к рукопожатию. Помню, как-то один из новеньких пытался с ним обняться, демонстрируя чувства, Власов отстранился так брезгливо, словно страшился поцелуя гомосека.

– А что тогда рассматриваешь? – спросил я. – Я же вижу, с каким интересом!

Власов еще, пожалуй, единственный в организации, кто совершенно не следит за прической. Седые волосы лежат неухоженно, то есть так, как растут, не пытается зачесать назад, сдвинуть вбок, не знает, что такое пробор или модные стрижки. Просто периодически подравнивает волосы, подозреваю, что это делает дочь садовыми или портновскими ножницами.

Однако волосы хоть и белые, но такие же густые, какими бывают только у молодых парняг, в то время как у нас каждый пятый светит лысиной.

– Да так, – буркнул он, – пестрый мир... и совсем безалаберный. На женщин смотрю. Только на них и приятно смотреть.

– Да, – согласился я, – если бы не эти писсуары напротив.

Он кивнул.

– Да, конечно. Хотя...

– Что?

– Женщина, – изрек он, – всегда красива. Даже на унитазах. Они в это время такие жалобные, как озябшие птенчики. И смотрят снизу на всех так беспомощно, словно просят не обижать их.

Я не поверил ушам, переспросил:

– Ты не против этих унитазов?

Он отмахнулся.

– Пусть... Зачем мучиться хорошим людям? Это лучше, чем бегать по всем подворотням. А ты чего такой нахохленный?

– Надо ехать в регионы, – ответил я.

– Надо так надо, – рассудил он.

– Вот я и подумал, – сказал я, – что лучше будет, если поедет туда действительно мудрый, солидный, опытный и знающий человек.

Он посмотрел с подозрением.

– Ты на кого киваешь?

– Разве киваю? – удивился я. – Я указываю прямо. Кто у нас в организации самый мудрый, солидный, опытный? Ты!

Он покачал головой.

– Ты забыл сказать еще «знающий».

– Да-да, знающий!

– Так вот я помню, – произнес он медленно, – как ты чуть ли не дураком меня выставял на прошлом пленуме. А теперь вдруг я стал мудрым?

– То был тактический ход, – объяснил я. – Надо было. Как будто ты не понимаешь внутривластной борьбы!

– Не понимаю, – признался он. – Я человек честный.

– А я политик, – пояснил я со вздохом. – Прощу тебя, съезди вместо меня в регионы. Там не больше десятка встреч... в каждом. А потом мы тебя встретим с цветами и оркестром, как победителя. Романцев же ездит. Ему даже нравится.

Он задумался, взглянул пыливо. Поехать вместо меня – это самому собирать голоса избирателей, крепить связи с местными организациями, повышать не только рейтинг партии, но и свой собственный. А если правда, что он уже ведет переговоры по созданию отдельной фракции «националистов с человеческим лицом», то нет более выгодного момента укрепить связи.

– И когда ехать?

– Не спеши, – сказал я с облегчением. – Можешь завтра, а если хочешь, то и сегодня... есть вечерний поезд. Ночь в дороге, очень удобно, а утром уже на месте.

Он покачал головой.

– Нет, сегодня не поеду. И завтра не поеду, дел много. А вот послезавтра... наверное, смогу. Или послепослезавтра.

– Договорились, – сказал я с облегчением.

ГЛАВА 4

Вернувшись в кабинет, я сам подошел к окну и пошарил взглядом в поисках нашумевших писсуаров. Наш особняк не так уж и высок, всего четыре этажа, я на четвертом, нет ощущения высоты, улицы здесь узкие, и когда на той стороне поставили писсуар, не только вообще-то добрейший Лысенко воспринял как оскорбление именно нашей партии. Одно из отличий националиста от демократа в том, что националист все происходящее оценивает с точки зрения полезности или вредности для страны, для России, в то время как демократу все по барабану: лишь бы к нему в карман не лезли да не мешали трахать жену соседа: демократу другого счастья и не надо.

Писсуары и унитазы установили по Москве, понятно, не только напротив здания РНИ. Начали с Тверской, главной улицы России, там постоянно толпами шляются приезжие, а с развитием демократии мусора и грязи все больше, загажены и засраны все дворы и переулки. Наконец по примеру наиболее продвинутых городов Европы в Москве распоряжением мэра установили писсуары без всяких кабинок, только мужские, конечно, но, когда прошли две прекрасно спланированные демонстрации защитниц женских свобод, мэр распорядился установить и женские. Да-да, именно женские... писсуары.

Женские писсуары – последний писк моды, все до единого выполненные из новейших материалов, блистающие, как самые дорогие автомобили, более узкие, чем мужские, стильные, они сразу оттеснили на задние полосы даже встречи наверху и очередное падение курса доллара. Мужские писсуары – привычные, выполненные без изыска и фантазии: мужчинам это и не нужно, все равно не заметят и не оценят, вызвали просто раздражение – не всякий мужчина решится расстегнуть брюки и даже штаны на людной улице, но женские – это скандал, это крик, это... это революция!

Появились они рядом с мужскими, феминистки проследили, чтоб установили не меньше и не больше, ведь и то и другое можно толковать как ущемление женского достоинства. Эти же феминистки под прицелом телекамер опробовали, крупноплановые кадры обошли все новостные ленты, и с утра до вечера их крутили по телевидению к месту и не к месту.

Когда первый шок схлынул, поставили и унитазы. Эти, новейшие, встроенные прямо в стену, чтобы под ними мыть тротуар или подметать асфальт. Конечно, первые дни пустовали, потом начали присаживаться приезжие, им совсем уж невтерпеж, а искать некогда, и так почти заблудились в этом огромнейшем городе, потом освятили всевозможные гуляки, возвращающиеся за полночь, в темноте можно позволить себе чуточку больше, затем среди молодежи пошла мода демонстративно садиться на самые заметные унитазы среди бела дня и в разгар часа пик, причем девушки соревновались с ребятами, стараясь щегольнуть продвинутостью.

Писсуары распоряжением мэра расположили на равных расстояниях один от другого, по одному на квартал, а в центре города – по два. Особое распоряжение регламентирует места, где можно ставить: нельзя, к примеру, возле булочных и гастрономов, а вокруг кинотеатров или концертных залов – в двойном и даже тройном количестве.

Старшее поколение восприняло такое нововведение как издевательство, как неслыханное надругательство над моралью. Пенсионеры собирались группками и громили писсуары молотками. Милиция мало что может сделать: старики тут же хватались за сердце и опускались на тротуар, хрипя и закатывая глаза, а лучше оказаться обвиненным в малом противодействии, чем в смерти человека, так что милиция всякий раз оказывалась в жалкой роли живого щита, защищающего уличные писсуары. Милиционеры стали предметом насмешек, кое-кто из них в сердцах подал заявление об уходе, они-де поступали в ряды, чтобы бороться с бандитами и грабителями, защищать мирный сон граждан, а не оберегать писсуары, в которые азеры да прочие тупые черные не просто срут, а еще и забивают их окурками.

Телевидение, как наиболее демократический институт, естественно, выступило целиком «за». С утра до вечера выступали психологи и социологи, доказывающие с помощью диаграмм и графиков, как это снизит напряженность в обществе, как повысит терпимость, толерантность, понимание и общую культуру. Один из ведущих рассказал случай, который видел собственными глазами: стоит пьяный студент на оживленной улице, отливает в писсуар. Мимо проходит женщина лет сорока, прилично одетая, интеллигентная. Говорит: «Молодой человек... Как вам не стыдно... но, впрочем, давайте познакомимся!»

Приглашенные эксперты тут же начали толковать этот случай как преодоление барьера отчуждения в обществе, появление новых нитей, связывающих незнакомых людей, дающих возможность общаться, наладить новые связи, причем без обязательных долгих ритуалов знакомства, как это было в прошлых веках, а сразу, так сказать, к делу. Как пример приводился типичный диалог современного мужчины и современной женщины: «Мадам, не хотите ли чашечку кофе?... – Ах, сэр, не будем уж тянуть!»

Или типичное среди продвинутой молодежи: «Девушка, можно с вами познакомиться? – Можно, только в постели не курить!» Это расценивалось как правильное воспитание подростков, что уже знают про опасность курения в постели, да плюс высокая нравственность девушки и забота ее о своем здоровье, что сама не курит и выбирает таких партнеров, чтобы не отравляли ее дымом.

В дверь аккуратно постучали, и, не дожидаясь ответа, вошел Белович. Ко мне все работающие в здании входят без стука и без доклада со стороны Юлии, но Белович – выпускник каких-то престижных курсов, даже диплом имеет, всегда стучит, всегда улыбается, а рубашки у него белые, чистые, с манжетами и запонками.

– Тоже, – осведомился он вежливо, – на писсуар смотрите, Борис Борисович? Может быть, устроим акцию?

Я повернулся к нему, Белович бурлит нерастраченной энергией, лицо пылает отвагой, в глазах горит жертвенность и готовность положить все на службу Отечеству. Странное сочетание европейского облика и русской бесшабашности и безбашенности.

– Какую? – спросил я.

– Да взорвем, к примеру!

Я покачал головой:

– Сразу подумают на нас.

Он отмахнулся:

– Ну и пусть думают. А вот пусть докажут!.. Презумпция...

– Это у них друг для друга презумпция. Да и то больше на словах, чтобы гордились и не паниковали. А нам сразу пришьют все, что у них наготове, плюс вырытый туннель из Петербурга в Бомбей.

Он помрачнел, подумал, но, так как долго думать не мог, предложил так же бурно:

– Могу организовать студенческую молодежь! Разнесут не только этот, но и все писсуары в городе!

– А завтра эта же молодежь потребует, чтобы установили заново. Нет, это не годится...

Он переступил с ноги на ногу, по лицу заметно, сообразил, студенты разнесут все, им в кайф, если такое вот общество расценит не по статье хулиганства, а как служение Отечеству, однако же именно студенты первыми с хохотом осваивали эти установленные для обозрения и использования писсуары и унитазы, признали их целесообразность...

– Но что-то же надо делать?

– С писсуарами?

– Ну да...

Я сдвинул плечами.

– А надо ли?

Он наклонил голову, чтобы всмотреться в меня поверх очков.

– Как так? Неужели вас, Борис Борисович, такая безнравственность не задевает?

Я покачал головой.

– Дело не в этом. Представь себе, что нам подсовывают ложную цель. Ну что мы за партия, если ринемся громить писсуары? Или организуем кампанию против их искоренения? Пусть этим занимаются коммунисты, у них больше всего пенсионеров и бывших работников пропаганды. А мы должны думать о том, как спасти Россию. Как вытащить ее из этого болота, дерьма, как предпочитает говорить молодое поколение. Мы должны искать пути для целой страны, а не сбиваться на мелочовку.

Он ушел, несколько обескураженный, даже забыл, зачем приходил, а на стене напротив моего стола одновременно со стуком захлопнувшейся двери включился телеэкран. Я регулярно просматриваю новости ведущих телестудий, таймер включает и сам переключает с канала на канал, сегодня в числе главных новостей как раз и показали прибытие в Россию дизайнера номер один по писсуарам Альберто Бертоллуччини. В Шереметьеве гения встречала правительственная делегация, наши звезды первой величины, масса телерепортеров и журналистов. Он там же прямо на поле аэродрома дал первое интервью, пообещав познакомить Москву с новинками в области передовой мысли Запада, научить москвичей пользоваться писсуарами прямо на улице, это естественно и вполне цивилизованно, нечего стыдиться отправления естественных надобностей и прятаться для этого в изолированные помещения. А если восхочется во время прогулки по центральной улице, то не надо портить прогулку быстрым возвращением домой или поисками хитро упрятого туалета: они должны стоять всюду, на виду.

На первом канале в студии расселись по скамьям заготовленные эксперты, на весь экран показали фотографии ужасающе запущенных общественных туалетов: загаженных, заплеванных, с испачканными стенками и с разбросанными по сторонам бумагами, не говоря уже о скабрёзных надписях и рисунках на стенах. Этого не будет, утверждали эксперты резонно, если это действие, то есть дефекация, будет совершаться прилюдно под взглядами проходящих мимо. Всякий поневоле культурно оторвет нужный клочок туалетной бумаги, а не станет разматывать весь рулон, тем более не испачкает стены и не наложит кучу дерьма рядом с унитазом. Более того, после дефекации на людной улице еще и благовоспитанно помоем руки, чего обычно никто из мужчин не делает, если за ним не наблюдают.

Служащие мэрии, их тоже пригласили в студию, робко предлагали перенести писсуары и унитазы с Тверской в многочисленные переулки, однако Бертоллуччини по прямому включению категорически отверг эту закомплексованную глупость. Передача велась прямо из его лимузина, дизайнер вдохновенно утверждал, что писсуары его работы – произведение искусства. Они украсят Тверскую улицу, станут украшением Нового и Старого Арбата, Манежной площади, их планируется установить вдоль кремлевской стены, прилепить к памятнику Минину и Пожарскому, а к стенам собора Василия Блаженного ввиду его размера приделать писсуары с трех сторон. Их современный дизайн, изящество и новейшая технология изготовления, естественно, украсят этот древний собор и придадут ему дополнительные очарование и красоту.

После интервью с Бертоллуччини, что заняло минут пятнадцать, еще десять минут на общемировые и внутрироссийские новости, а когда подошли к спорту, таймер переключил на шестой канал, где как раз начинаются самые важные новости с точки зрения их канала. Увы, снова Бертоллуччини и писсуары на первом месте, а взрыв в супермаркете Дрездена и падение поезда с моста в Калифорнии – на задворках, это же обыденность.

А может, мелькнула мысль, это и хорошо, что занимаемся писсуарами, а не чем-то серьезным? Это показатель, что у нас сравнительно нормально, ничего не горит, а что где-то происходят крушения, так уж извините, на свете семь миллиардов человек и миллион поездов, неужели кто-то надеется, что поезда никогда не будут сходить с рельсов, автомобили переста-

нут сталкиваться, а самолеты падать? Надежная разве что техника Zanussi, да и то, как позже доказала русская кувалда, абсолютно надежной не существует вовсе.

Над домами, брезгливо приподнявшись, дабы не коснуться грязных крыш, величаво двигаются огромные белоснежные громады. Сверху они в башенках и холмах кремowego торта, а снизу выравнено, будто скользят по незримому стеклу. Внутри иногда полыхает, словно из печи вываливается горящий уголек и тут же гаснет, тучи настолько многоэтажные и красочные, что даже забывший про детские грезы взрослый увидит замки, драконов, нечеловеческие лица небесных существ...

Юлия заглянула в кабинет, я предпочел бы, чтобы она вошла, однако услышал:

– Борис Борисович, извините, что отвлекаю, через пять минут будет звонить Романцев. Никуда не уйдете?

– Дождусь, – пообещал я. – Что-нибудь сказал?

– Сообщил, что набор в ряды идет успешно.

– Конспиратор, – пробормотал я.

Юлия исчезла, я откинулся на спинку кресла, задумался. Романцев – наиболее активный из нашего русского братства, всегда полон сил, энергии, а проекты, как спасти и обустроить Русь, из него бьют ключом. Такой не сопьется, не станет устраивать попойки на рабочем месте. Вообще он самый ярый из нас защитник национального самосознания. Нет, даже не защитник, он нападающий. Но пока нет реальных противников, нападает на всех нас, доказывая, что все мы – предатели, отступники, довольствуемся крохами, ведь на самом деле мы не просто русские, мы – славяне, арийцы, арии, самые древние и самые чистые люди на свете. Семиты и близко не стояли, когда мы уже были, действовали, перекраивали мир. Это мы строили египтянам пирамиды, используя знания, полученные от своих братьев с погибшей Атлантиды, это мы возвели сады Семирамиды, Палестина – это наш Паленый Стан, так как истребленные дикими кочевыми иудеями местные жители были славянского корня, а гора Сион не что иное, как Сиян-гора.

Помню, как они цапались с Беловичем, когда тот осмелился сказать, что Заратуштра – это вовсе не значит «заря с утра», как и Аттила Бич Божий – это не совсем Богдан Гатило, как в семидесятые годы назвал его один из украинских писателей, а гунны – не такие уж и русские. Белович тут же оказался в евреях, а если не в самих евреях, то в шабес-гоях, русский человек не сомневается и в том, что пелазги, естественно, только славяне, более того – русские, это особенно заметно в слове «этруски», что значит, понятно, «Эт русские!», так, мол, восклицали другие народы...

Словом, в моей позиции можно делать ставку на Романцева, постепенно передоверяя ему все больше партийных функций. Не только потому, что устал, но и что-то грызет последний год, словно ржавчина точит железо. В последние месяцы постоянно растет тревога, будто что-то серьезное просмотрел, а если вовремя не замечу, то стрясется катастрофа прямо-таки всемирного значения. Не совсем уж мания величия, но до нее не совсем далеко, все-таки наша партия – крохотная. Есть она на свете или нет ее – мало кто заметит. Во всяком случае, если на выборах партии дерутся, чтобы набрать проходные пять процентов, то мы никогда не набирали больше половины процента.

Да, Романцев с его кипучей энергией мог бы вдохнуть новую жизнь в нашу полускованную параличом организацию. Ко всему еще и умен, эрудирован, у него несколько патентов на изобретения, даже зарегистрировано открытие в тонкой химии, у него самая крупная в России библиотека по скифам, которые, оказывается, тоже наши предки. Скифы с какого-то по какой-то век, в общем, очень долго, были чуть ли не единственными властелинами мира, завоевали обширную территорию от моря и до моря. А погубили их, как и сейчас губит русских, беспечность и пьянство. Победив всех-всех и не имея больше врагов, утратили воинственный дух,

обленились, разжирели, спились, а когда туземные царьки осмелели и однажды, пригласив на великий пир скифских царей, предательски перебили их прямо во время застолья, даже не сумели наказать преступников. С того времени и разрушилась самая огромная и грозная держава вселенной – скифская.

Романцев помнит и знает, что радио изобрел не Маркони, а Попов, что лампочку создал не Эдисон, а Яблочков, все русские приоритеты у него выстроены ревниво и тщательно, он знает, что самолет создал Можайский, а братья Райт и близко не стояли. Хан Батый у него просто Батя, и вообще никакого монгольского ига не было, такое даже допустить невозможно, чтобы кто-то покорил Русь хоть ненадолго, просто дурные летописцы все перепутали по пьяни. На самом же деле просто было объединение Руси воинскими силами княжеств.

Но особенно, конечно же, он любит древнейшую, даже самую древнейшую историю, и на этой почве вокруг него группируются все те патриоты, преимущественно молодые, которые все знания впитывают жадно, как губки. Он и рассказывает им и про ложь западных хронистов, что придумали, будто Рюрик с братьями не то немцы, не то шведы, а на самом деле они – чистокровные русские, открывает им глаза на великие степные империи склавинов, скотов и киммерийцев, тоже наших предков. Русские, тогда называвшиеся русами, в те древние времена были и самыми лучшими в мире мореходами, и лучшими покорителями пустынь, и жителями гор. Чуть ли не в каждом древнем правителе Романцев находил славянский корень и с торжеством провозглашал еще один найденный народ славянского племени, в Арктике под тысяче-летними льдами найдена Гиперборея, прародина русов, целая страна с городами и селами, а варвары, взявшие Рим, все до единого были русами, на худой конец – славянами или народами славянских корней.

Прозвенел звонок, я взял трубку, голос Романцева донесся как будто с другой планеты:

– Борис Борисович, привет! Я отмотал программу на всю катушку, завтра выезжаю!

– Как удалось? – спросил я.

Он ответил после короткой заминки:

– Если честно, то хреново. Всего пять человек решились вступить в нашу партию. Да и то – пацаны.

– Пацаны – плохо, – согласился я. – У них ветер в голове. Сегодня одна партия, завтра другая, а послезавтра вообще сопьются...

Голос донесся через треск и атмосферные помехи:

– Помнишь, я тебе звонил из Австралии? Слышимость как будто рядом! А сейчас я тебя едва-едва...

– Я тебя тоже, – признался я. – Так, угадываю. Хватит, выезжай. Поговорим здесь.

Связь оборвалась, я опустил трубку, что-то у Романцева не получилось... Хотя почему у Романцева? Это наша партия недобирает. Слишком велик прессинг властей, средств массовой информации. Да и народец, втайне нам сочувствуя, тем не менее вслух страшится даже вышептать о своих симпатиях. Давление уже не только всемогущего гестапо, у России самым большим гестапом является так называемое общественное мнение. Все трусы, все. Больше всего страшатся высказать свою точку зрения, все стараются примкнуть к тем, кто «правильнее», законнее. Раньше насаждались покорность властям и Богу, смирение, а сейчас усиленно втохивается приверженность принципам «свободы и демократии». Причем под свободой и демократией имеется в виду совсем не то, что вымечтали французские утописты-мечтатели. А уж такой выверт демократии, как политкорректность, кто бы мог предвидеть? И тоже счастье его демократией?

Так что Романцев – хорош, надо готовить на свое место. Помощники у него уже есть, чего стоит хотя бы Гусиненский. Если Романцев свою фамилию выводит ни мало ни много как от самих ромеев, то Гусиненский чуть ли не от гусей, что спасли тот же Рим, а то и от тех, что перелетели на материк с тонущей Атлантиды. Гусиненский с его кипучей энергией

организовал военно-патриотическую школу «Скифский витязь», члены которой сперва только реставрировали одежду и оружие русских ратников, потом углубились в древность дальше, с изумлением узнали, что скифы мы, оказывается, перешли в скифство, экипировались, начали устраивать военные игрища, а затем и воссоздавали настоящие сражения доблестных скифов со всякими там недочеловеками, из которых впоследствии вычленились всякие там франки, готы, алеманы и разные бургундцы.

У них в Интернете свои сайты, от которых отпочковывались новые энтузиасты, эти в своем рвении найти великих предков среди «незаслуженно забытого наследия» вообще заходят так далеко, что, если бы я не видел их честные глаза и чистые лица, полные веры в правоту своего дела, считал бы провокаторами, уж слишком карикатурно все получается.

Хуже того, все эти группки носителями истины объявляют только себя, а остальные ни мало ни много как предатели, засланные казачки. Сразу же начинают копать в родословных коллег, чуть ли не у каждого находят либо жену-еврейку, либо бабушку, а если и не еврейку, то с подозрительной фамилией. А если и с фамилией все в порядке, то нос что-то великоват, волосы кучерявые, кожа смуглая, да и глаза прячет, еврей наверняка, наши ряды расколоть прислан...

ГЛАВА 5

Звякнуло, на экране поверх картинки возникла крупная надпись: «Позвонить Ротмистрову». Я взглянул на циферблат в уголке дисплея, мои часы опережают на минуту, палец привычно кликнул на правой кнопке грызуна, едва курсор попал на нужную фамилию.

Дверь приоткрылась, заглянула Юлия.

– Борис Борисович, вы не очень заняты? А то Лысенко заявляет, что у него крайне важное, просто безотлагательное дело.

– Через пару минут, – попросил я. – Я только договорюсь о встрече.

– Да я могу продержатъ его до вечера!

– Да ладно тебе, – ответил я. – Не дразни, он уже и так под мухой. Впрочем, понять его можно: кто в России не пьет, кажется шпионом или предателем.

– Я это заметила, – ответила она. – Потому и придержала.

На экране появилась комната крупнее моей, кабинет Ротмистрова, доктора наук, математика номер один в мире, а также члена редсовета нашей партии, затем и сам Ротмистров развернулся в кресле к вебкамере.

– Слушаю, Борис Борисович!.. Приветствую.

– Вы не забыли, – напомнил я несколько заискивающе, – обещали почтить вниманием...

– Все помню, – прогудел он благодушно. – Буду в срок! Когда я опаздывал?

Я торопливо распрощался, сердце стучит, хотя чего волноваться, я сам доктор наук и профессор, разве что естественных, а естественники всегда несколько комплексуют перед «настоящими» учеными.

В кабинет робко заглянул Лысенко, убедился, что я не занят, тихохонько вдвинулся громадным телом штангиста в кабинет. В руках рулон бумаги, от него самого и от бумаги сильно пахнет водкой, лицо главреда налилось нездоровой багровостью, даже глаза покраснели, но держится подчеркнуто деловито.

– Вот, Борис Борисович, – сказал он, расстилая по столу сверстаный макет газеты. – Взгляните, это завтрашний выпуск. Таким, как говорится, будет выглядеть. Пока еще не поздно, внесите ваши руководящие изменения. Ждем ваших бесценных, вне всякого сомнения и критики, решений.

Я просмотрел бегло, не реагируя на шпильку, Лысенко – профессионал высочайшего класса. Его бы с руками оторвали в любом крупнейшем издательстве или в элитном журнале, где получал бы в десятки, если не в сотни раз больше, имел бы власть и влияние, а под рукой были бы тысячи исполнительных сотрудников, но пашет здесь, потому что здесь – Россия, а там всего лишь деньги.

– Хорошо, но где интервью с губернатором Новочеркасска?

– Пойдет в следующем номере, – ответил он с готовностью. – Мы решили дополнить комментариями наших специалистов.

– Кого?

– Коновалова и Евлахова.

– Евлахов, это который директор Института проблем Европы?

– Да, но он, несмотря на работу в правительственных структурах, наш человек. По духу, я имею в виду.

– Ну, – пробормотал я, – если по духу...

Присесть я ему не предлагал, да он и сам понимает, чем именно я недоволен, потому так тянется и демонстрирует преданность и чинопочитание, будто старается рассмешить. Дальше я просматривал статьи молча, в носу зачесалось, чихнул, Лысенко тут же сказал с готовностью:

– Долгого здоровья, Борис Борисович!.. И крепкого!

– Спасибо, – пробормотал я.

– Это не простуда? – поинтересовался он. Сказал подчеркнуто серьезным голосом: – Кстати, новое и самое мощное средство от депрессии изобрели как раз российские фармакологи! Для поднятия общего тонуса достаточно трижды в день перед едой принимать по зеленому горошку и запивать ста граммами коньяка.

Я поморщился.

– Это вы все трое от гриппа лечились?

– Борис Борисович! – воскликнул он обрадованно. – Да там почти ничего и не было! Ведь стакан, наполовину заполненный водкой, оптимисты считают полуполным, пессимисты – полупустым, а русские – почти пустым, не так ли?

Я покачал головой.

– Это про тебя говорят: не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж? Да, в России действительно только две беды, но каждый день разные... только пьянство неизменно.

– У нас климат таков, – сказал он убеждающе. – Северный! Пить надо, чтобы согреться. Для сугрева, как говорил мой прадед, а он прожил сто три года.

– А сейчас средняя продолжительность жизни по России, – напомнил я, – пятьдесят семь лет... Хотя по-прежнему отмороженных больше, чем ошпаренных. Особенности национального климата! Эх, Дима...

Он с самым сокрушенным видом развел руками. Красавец, атлет, штангист, на кой хрен ему эта пьянка, но с другой стороны: если не пить, то как бы и не русский, чуть ли не предатель, а то и в самом деле предатель, если точно не можешь предъявить бумаг с печатями, что у тебя полнейший цирроз печени, и пить никак нельзя... да и то найдутся друзья, что будут с упоением выкрикивать: и у нас цирроз, и у нас язва, и нам низзя, но мы же пьем?

Я отодвинул газету.

– Все отлично. Хотел бы придраться, да не могу.

Он заулыбался, бережно взял газету и свернул в рулон.

– Спасибо, Борис Борисович! Я уж думал, к чему-нибудь да прицепитесь. Должны были найти.

– Иди, – вздохнул я. – Ничего не могу добавить.

Он удалился, очень тихо притворив дверь. На лице вся та же растерянность, так и не понял, почему я ничего не сказал, как обычно, о вреде пьянства. Я сам не понял, но что-то зреет и во мне и в обществе, самому тревожно. На фоне этой надвигающейся грозы пьянство сотрудников в элитной крепости русского духа – мелочь. Вот-вот взорвется такое, станет не до пьянства.

Таймер перепрыгнул пару каналов и замер на передаче, где ведущий долго и со вкусом разглагольствует об опасности возрождения русского фашизма. Дурак, о каком возрождении речь? Как будто русский фашизм хоть когда-то был! Немецкий, итальянский, польский и многие другие фашизмы – да, но русского никогда и в помине, а этот напыщенный идиот тут же по проторенной тропе сходит на обличение русского национализма, шовинизма, расизма, антисемитизма, патриотизма, бездумно ставя между этими разными и чаще всего взаимоисключающими словами знак равенства. Вот даже взять такие вроде бы близкие, с точки зрения дурака или русского интеллигента – что тоже дурак, но с дипломом, – понятия, как национализм и шовинизм, то сразу можно увидеть, это не синонимы, а полные противоположности!

Националист твердо знает, кто он есть, шовинист – кто он не есть. То есть националист говорит: я русский, потому что люблю Россию, защищаю все русское, люблю русские песни, ем русскую еду, болею за сборную России, а шовинист: я русский, потому что я не жид, не кавказец, не юсовец, не желтомордый и не черномазый...

Националист твердо знает критерии русскости, а шовинист из-за отсутствия таких критериев постоянно и с великим подозрением присматривается к членам своей же вроде бы национальной партии, выискивает тех, у кого бабушка еврейка или татарка, постоянно затевает чистку рядов и все никак не может остановиться, все никак не может...

Озлившись, я вырубил жвачник, остальные новости лучше по Интернету, там куда оперативнее, отодвинул все бумаги о православных церквях, о кладбищах, о проекте введения в школах Закона Божьего и прочей дури, которой якобы должны заниматься русские националисты.

Вошел на сайт статистических исследований, отыскал Россию и долго тупо рассматривал колонки цифр. На душе все тяжелее и тяжелее, в конце концов ощутил такую горечь, словно пожевал полыни. Последняя перепись пятнадцать лет назад, русских в России насчитывалось восемьдесят два процента, а сейчас только шестьдесят три. В прошлый раз на втором месте были татары, на третьем – украинцы, на четвертом чуваша... и так далее. Замыкали список китайцы, их было пять тысяч человек. Сейчас – девять миллионов. То есть уже на третьем месте, чуть-чуть пропустив вперед татар с их десятью миллионами.

Судя по прогнозам, к следующей переписи, если все будет продолжаться такими же темпами, численность китайцев в России достигнет сорока миллионов. Сейчас мигрируют в Россию по миллиону в год, потом миграция усилится. То есть через пятнадцать лет каждый второй русский... можно ли его называть русским?.. будет китайцем. Ах да, придумано подлое и очень политкорректное слово «россиянин»! Так вот, каждый второй россиянин, или попросту – житель России, будет китайцем.

Но будет ли это уже Россия? Или слово «Россия» превратится в географическое название, как «Азия», «Сибирь», «Дальний Восток», «Средне-Русская возвышенность»?

Дверь отворилась, в щель заглянула Юлия.

– Борис Борисович, к вам Андыбин... Если вы не очень заняты.

Меня подмывало сказать, что занят выше крыши, Андыбин из тех русских активистов, что любит порассуждать о поруганной России долго и со вкусом, Юлия это знает и дает мне возможность отказаться, но смолчал, кивнул, и Андыбин вдвинулся в кабинет, огромный, похожий на Тараса Бульбу, стареющий мастер спорта, двукратный чемпион мира, – из самых древних ветеранов, еще из тех, кто тайком во времена Брежнева собирался в знаменитом доме Телешева, закладывал основы будущего движения за пробуждение России. Власти их преследовали куда более жестоко, чем так называемых диссидентов. Тем чаще всего лишь отечески грозили пальчиком, а с русскими националистами расправлялись жестоко и бесчеловечно круто.

Он же организовывал охрану из рабочих завода «Динамо» вокруг клуба имени Чкалова, когда там читал лекции знаменитый Бегун. Охрану не против милиции, а против бойцовских групп тех националистов, что всегда в России чувствовали себя куда большими хозяевами, чем русские.

– Слава России! – провозгласил он с подъемом.

– России слава, – отозвался я автоматически. – Садитесь, Иван Данилович. Что новенького?.. Я ожидал вас только завтра.

Он отмахнулся, сел в кресло напротив, затрещало под богатырским весом, прогнулось. Андыбин поерзал, умачиваясь, глубоко посаженные глаза смотрят с симпатией и сочувствием.

– Я самолетом, – сообщил он. – С пересадкой. Военные летчики подбросили.

– Не сложно было?

– У России две беды, – сказал он так же буднично, – а остальное – «временные трудности». Переживем.

– Да-да, – ответил я. – Нация, что ест макароны с хлебом, – непобедима.

Он раскрыл папку, толстые пальцы выудили один-единственный листок, но, к сожалению, весь испещренный цифрами и формулами. Я вздохнул, Андыбин же, не заметив или не обратив внимания, заговорил с подъемом:

– Знаешь, Борис Борисович, я тут порылся на досуге, неприятные вещи открыл... Хотя мы и привыкли к русской зиме, еще и посмеивались над нежными французами да немцами, что в наших снегах накрылись, мол, слабаки, но на самом деле это у них норма, а у нас – черт знает что!

Я кивнул.

– Верно. Там, где раки только зимуют, мы живем круглый год.

Он сказал, приободренный:

– У нас не только зима – черт-те что, но и лето!.. Вся Россия в самой жесткой зоне климата. Среднеянварская температура в Москве – минус десять градусов, а это на восемь градусов холоднее, чем в Хельсинки и Стокгольме – столицах самых северных стран Европы, представляешь? В Вашингтоне среднеянварская – плюс один, а про всякие парижи и лондоны вообще молчу, там пять градусов тепла, такое даже зимой называть совестно!

Я снова кивнул, хоть и не понимаю, зачем мне это, но все же лучше, чем бороться с писсуарами или помогать пьяному попу отбирать дом у предпринимателя.

– В России, – продолжал он с энтузиазмом, – на восьмидесяти процентах территории плюсовая температура удерживается чуть больше двух месяцев! Понятно, что из-за климата у нас во много раз больше тратится топлива, а сколько на одежду, обувь, шапки, которых в странах Европы вообще не знают? Стены приходится строить толще, дороги ремонтировать чаще, замерзающая на асфальте вода быстро все рушит. Я уж молчу, что сельское хозяйство неконкурентно из-за короткого лета.

Он посмотрел на меня в поисках поддержки, я обронил:

– Да, хреново.

– Вот-вот. Потому наши отрасли хозяйства неконкурентоспособны! Во слово какое длинное, но выговорил! Надо бы гнать иностранные слова, а то язык сломаешь... Неконкурентны... тьфу!.. тем, кто в Австралии, Южной Америке, молчу про Юго-Восточную Азию. Капитал туда убегает даже из России! На беду, квалифицированная... тьфу, еще одно чужое слово! Нет чтобы сказать просто «чернорабочие»... так вот эта белая рабочая сила тоже бежит из России, как крысы с тонущего корабля. А чернушная... ну, в том же Китае хватает и чернорабочих. Все равно будет дешевле там.

Я кивнул, соглашаясь, убегание капиталов из России началось еще в начале девятнадцатого века, когда начали строить железные дороги и подключились к международной сети банков. Вывоз капиталов уже тогда достиг катастрофических размеров, не хватило средств на перевооружение армии и флота, а это привело Россию к поражению в Крымской, а затем в Русско-японской войне.

– Что-то слишком уж мрачно, – заметил я. – Как же другие на Западе живут?

– Да так и живут, – ответил он, погромыхая голосом. – Возьми Канаду. Рядом богатейшие Штаты, Канада должна просто цвести, ведь соседи запросто могут вкладывать миллиарды и осваивать эту территорию... Ни хрена!.. В Канаде ненамного холоднее, чем на юге Украины, однако там пусто, как на Луне. Меньше, чем ноль и две десятых на квадратный километр! Это пустыня. Настоящая пустыня.

Он умолк на миг, но я и сам видел, к чему клонит. В перспективе Россия в ближайшие десять-пятнадцать лет превратится в безлюдное, заросшее лесом пространство, в какое превратилась Канада. Да, наиболее квалифицированная часть русских спешно покидает Россию, а остальные, лишившись естественных вожаков, спиваются, опускают руки. Сами по себе ничего не стоят, им обязательно нужны рядом сильные, умелые, на которых надо равняться.

– Как тебе такие выкладки? – спросил он.

– Лучше бы они были неправильные, – ответил я с досадой.

Он оживился.

– Считаешь, все верно?

– Если и не все, – ответил я хмуро, – то многое. Хреново нам придется, Иван Данилович. Вот о чем надо думать, а нас тут пытаются всякой мелочовкой нагрузить. Чтобы мы, слоны, занимались мышьиной возней. Как будто партия русских националистов – это вроде кружка по ловле бабочек.

Он кивнул, но довольное выражение медленно сползло с широкого лица.

– Да, это так, но ты молодец!

– В чем?

– А не даешь партии сползать в мелочовку. Я же вижу, как многие просто не понимают...

Однако, с другой стороны, что мы можем? Климат в России уж точно не изменим.

Я с сочувствием смотрел в его честное открытое лицо.

– Разве что политический климат, – сказал я.

Он спросил с надеждой в голосе:

– Ты над этим думаешь?

– Да кто над этим не думает, – ответил я. – Но почему-то самые большие думатели устроились парикмахерами да таксистами, а не членами правительства. Наверное, таксистами интереснее, как считаешь?

Его губы чуть раздвинулись в очень скупой усмешке.

– Но я в тебя верю, Борис Борисович. У тебя светлая голова. Ты не дашь утопить в текучке ни себя, ни нашу партию. Но я к тебе еще зашел и по одному деликатному делу...

Я не поверил глазам: он застеснялся, даже глаза потупил, бумага зашуршала в огромных ладонях, сложил вчетверо и сунул в широкий карман.

– Что-то случилось?

– Правнук родился, – сообщил он со сдержанной гордостью. – Первый! Семья настаивает, отметить жажнут... Словом, просят вас, Борис Борисович, поприсутствовать. Мы заказали три столика в ресторане. От нас недалеко, да и отсюда рукой подать. Ну, почти... После работы можно заехать, наши будут уже там. Посидим часок, моя семья потом всю жизнь будет хвастаться, что на крестинах правнука был сам профессор Зброяр, он же лидер партии РНИ! Это для нас великая честь, Борис Борисович.

Я смотрел в его честное открытое лицо, похожее на гранитную глыбу, иссеченную всеми ветрами, как южными, так и северными, вспомнил, как многие из моего университетского окружения прилагают титанические усилия, чтобы не попасться мне навстречу, не оказаться рядом, чтобы не дай бог кто-то не увидел нас беседующими, из-за чего репутация такого человека покатится под гору, а то и вовсе рухнет, как выпавший из самолета слон...

– Спасибо, – ответил я. – Только уговор, не спаивать!

На стене над головой Юлии картина в старинной рамке, что-то вроде «Утра в сосновом бору», только вместо медведицы с медвежатами – семья на пикнике. Очень милая и домашняя картина, подобное и должно висеть в офисах подобных организаций, как наша. Умеренно консервативная, проповедующая исконные ценности: семья, любовь к природе, уважение и понимание между поколениями.

Юлия просматривала что-то невидимое для меня на экране, иногда делала левой рукой движение, в котором я угадывал Control+A, а затем Control+C, этот жест распознать нетрудно, слишком характерен, к тому же я сам из той эпохи, когда Windows еще не существовал, но зато на смену голому DOSу пришла великолепнейшая и суперреволюционная оболочка Питера Нортон, разом отучившего нас писать команды вручную.

Она вскинула голову, улыбнулась поверх очков, очень милая и обаятельная.

– Уже уходите, Борис Борисович?

– Рано? – поинтересовался я. – Что-то голова совсем тупая... да и не смог отказаться, Андыбин пригласил отметить рождение его первого правнука.

– Дело хорошее, – сказала она. – Пусть хоть внуки борются против вырождения России.

– Да, конечно, – ответил я рассеянно.

Мы улыбнулись друг другу, я был уже у двери, когда неожиданная мысль ворвалась в серое вещество и осветила его радостным оранжевым светом. Обернулся, Юлия уже смотрит в экран, но заметила мое движение, обернулась.

– Что-то случилось, Борис Борисович?

– Да, – ответил я. – Юлия, я иду в ресторан, а как-то неловко без прикрытия. Вы не смогли бы пойти со мной?

Она вздернула брови.

– В качестве...

– Телохранителя, – объяснил я. – Там наверняка будут женщины, которые попытаются...

Пусть видят, что объект уже захвачен.

Она засмеялась.

– Да, вы – политик!

– Приглашение принимаете?

Она задумалась, оглядела меня испытующе. В глазах промелькнуло сомнение.

– Вы мужчина видный, – заметила она. – С вами появиться не стыдно. Но не испортим ли прекрасные отношения шефа и очень исполнительного секретаря?

– Неужели мы такие придурки? – изумился я.

Она засмеялась.

– Но как насчет моего внешнего вида?

– А что не так? – спросил я с недоумением.

Она с укоризной покачала головой.

– Борис Борисович, какой же вы... Ну где видели женщину, чтобы отправилась в ресторан в том же платье, что и на работу?

– Вы эта женщина, – отрезал я. – Юлия, неужели я или Андыбин замечаем, во что вы одеты? Господи, Юлия, да хоть в дерюжном мешке явитесь или в платье из бриллиантов, Андыбин не обратит внимания. А вот вам он обрадуется.

Она несколько мгновений смотрела с явным сомнением, не зная, расценить ли как комплимент или как оскорбление, после долгой паузы вздохнула.

– Хорошо. Сейчас закрою все документы, поставлю на пароль и обесточу. Это займет времени меньше, чем подкрасить губы.

– Как здорово, – выдохнул я. – Вы просто идеальная женщина.

ГЛАВА 6

И все-таки она не только подкрасила губы, но ухитрилась сменить очки. Вообще, как я заметил, очки перестали быть приспособлением, исправляющим зрение, а превратились в средство украшения.

Юлия смотрела через слегка розовые стекла таких же крупных очков, оправе оранжевого цвета, чувствуется работа умелого дизайнера, в этих очках она еще женственнее, элегантнее.

– Неужели в сумочке целый набор? – удивился я. – Юлия, я даже не думал, что очки могут быть... ну, красивыми...

Она засмеялась, блестя живыми яркими глазами.

– Отстаеете, Борис Борисович!

– Отстаю, – согласился я.

В машине она восторгалась и спутниковой навигацией, и роскошным креслом, и стереозвучанием, я польщенно улыбался, когда хвалят машину – хвалят хозяина, без особой нужды играл в шахматку, демонстрируя привод на все четыре колеса и скоростные качества.

Дорога пошла на широченный мост, по обе стороны гирлянды цветных фонариков, такие зажигают перед Новым годом, но еще рано, неужели я забыл о каком-то важном празднике?

Все чаще обгоняем автомобили с кокетливо задранными задницами, они мне напоминают гомосексов, на другой стороне моста та же старая часть города, вся в невысоких кирпичных домиках. Низкие, очень неудобные, но снести эти серые двухэтажки нельзя: история! В каждом из них кто-то бывал, а то и жил.

Но все равно нет во мне, ну нет ожидаемого трепета почтительности! Даже в древнем Кремле, где Царь-колокол, который никогда не звонил, Царь-пушка, из которой выстрелить невозможно, даже там не чувствовал священного восторга. Какая древность, когда на расстоянии вытянутой руки и древние акрополи Эллады, и Колизей Рима, и египетские пирамиды, и стелы Хаммурапи, и гробница Тутанхамона!

Промелькнул огромный плакат, при виде которого я поморщился, словно прикусил на больной зуб: приглашает к себе какой-то «Строй-city», да, именно так и написано. Половина слова по-русски, другая – по-английски. Пока я рассматривал, нас обогнал «каблук» с надписью по всему борту «Chandler»: служба технической помощи...

Озлившись, я начал посматривать по сторонам внимательнее и только сейчас увидел то, что уже давно вкрадывается в нашу жизнь, но почему-то не замечаем: едва ли не треть реклам и вывесок на английском! И никто не спорит, не возмущается, все нашенское легко и без сопротивления уступает западному... и эти сраные россияне почему-то еще уверены, что сохранят и поднимут Россию? Именно как Россию, без всяких западных инвестиций, западных менеджеров, вообще чего-либо западного... Как? К а к?

Юлия искоса наблюдала за моим лицом, спросила мягко:

– Тучи враждебные злобно гнетут?

– Да, – ответил я. – Да.

– Какие?

– Дурость наша. Мы уже отдали Россию, но отдали молча. Отдали, но сами себе в этом не признаемся. Как страусы сунули головы в песок, ждем...

Она слегка раздвинула губы.

– Чего?

– Что пронесет, – ответил я. – Само пронесет. Вот что-то такое случится, Бог возьмет и спасет Россию. Просто так, ни за что. Он вроде бы дураков и убогих любит!..

– Вы в это не верите?

– А Дарвин на что? – огрызнулся я. – Я верю в закон выживания. И закон отсеивания слабых! Этот закон тоже Бог установил, Дарвин его только сформулировал.

Когда ехали через эту половинку центральной части, снова попался этот «Строй-city», видать, крупная фирма, а засмотрелся на табличку с надписью «Никитский бульвар», там зачем-то продублировано надписью «Nikitskiy boulevard»... так-так, вон и еще масса улиц! Это не говоря уже о многочисленных казино и развлекательных заведениях, где названия кричат сами за себя: «Ричард Львиное Сердце», «Монтесума», «Фараон», «Дюрандаль», «Эскалибур», «Kamelot»... Ну да ладно, можно еще вообразить, что владельцы настолько заинтересованы, чтобы заглянул кто-то из иностранцев, что плюют на соотечественников, но каким надо быть идиотом, чтобы на крохотную пивную забегаловку нацепить вывеску «Eldorado»?

А если не идиот, то кто?

Сердась все сильнее, я увеличивал скорость, скоро и на крайней левой стало не вмоготу, пошел по середине шоссе, играя в шахматку. Раньше, когда у меня был старенький опель, я сигналил, мигал фарами, чтобы уступили дорогу, а теперь проще обойти самому, чем ждать, пока сдвинутся с места.

По всей огромной Москве пока что не встретил ни «Илью Муромца», ни «Князя Владимира», или кого-то из прославленных князей, начиная от князя Кия и Рюрика, а вот Ричардов Львиное Сердце только на своих маршрутах насчитал одиннадцать, начиная от ресторанов и кончая пунктами для приема посуды.

– Мать вашу, – вырвалось у меня, – в такой стране... с таким населением?

Слева шарахнулся серебристый мерс, слишком напористо пру на высокой скорости, готов на столкновение, опытные автомобилисты на расстоянии чувствуют, от какого водилы чего ждать, а у меня сейчас давление, как у Гастелло или Матросова по делу, а я в ярости и недоумении: у тех был впереди враг, а за спиной – друзья, но что у меня? Справа и слева одни недоумки? Или я сам чего-то недопонимаю?

Юлия напомнила со строгостью в голосе:

– Борис Борисович, успокойтесь. Вы же не на драку собрались?

Я с шумом выдохнул воздух, запертый в груди.

– Извините, Юлия.

– Ничего, – ответила она легко, – я ваш телохранитель, не забыли?

– Спасибо, Юлия. Вы правы, уже скоро, а я весь на взводе.

Через полчаса скоростной езды впереди замаячило здание, настолько ярко освещенное, что хватило бы всему Владивостоку, где то и дело отключают электроэнергию, а на крыше еще и трехметровая фигура из лампочек, улыбающаяся девица в ковбойском костюме призывно делает ручкой, внизу надпись «Slots a fun», чуть ниже: «Coin castle».

Юлия поинтересовалась:

– Разве мы в казино?

– Вроде бы в ресторан, – ответил я, но без уверенности в голосе. – Хотя Андыбин может и не знать разницы.

Я припарковался, а когда вылез из машины, с той стороны дверцу уже открывал генеральского вида солидный швейцар.

– Изволите отдохнуть у нас? – поинтересовался он.

– Изволим, – ответил я и попытался припомнить, дают ли швейцарам на чай. Официантам дают всегда, гардеробщикам – время от времени, а вот швейцарам... гм. – У вас еще и казино?

– Только в холле, – ответил он поспешно. – У нас целый зал, но публика приличная.

Он забежал петушком-петушком вперед, распахнул двери. Я пропустил Юлию, двинулся следом, уже морщась от оглушающего рева музыки, жестяного звяканья одноруких бан-

дитов, их здесь длинный ряд вдоль стен. С потолка не льется, а обрушивается яркий праздничный свет, стены в красных и желтых тонах, впечатление разлитой крови, обнаженной плоти, я против желания ощутил, что я тоже зверь, вообще скотина еще та, все это действует, возбуждает, подталкивает...

К нам подбежал один из местных менеджеров, я покачал головой и указал на распахнутую дверь на противоположной стороне зала:

– Мы туда.

Из дверей ресторана навстречу выкатываются незримые, но плотные волны ароматов и запахов жареного мяса, разваренной рыбы, острых приправ, кислейших вин, что красиво называются сухими, нас встретило и приняло в объятия чувство довольства и сытости. Такое бывает, наверное, у семьи львов, что задрали пару молодых сочных антилоп и теперь дремлют на солнышке, иногда лениво поглядывая на свежую добычу.

Народ степенно веселится за накрытыми столами, четырехугольные столы под белыми скатертями выстроились ровно, строго, как токарные станки. Холодно блестят ножи и вилки, кремовые вигвамы салфеток на блюдах, половина столов еще или уже свободна, за остальными приличная публика: мужчины и женщины среднего возраста, что значит, устоявшиеся, солидные, мужчины в хороших костюмах и при галстуках, женщины кто в чем, я бы не назвал это даже платьями и костюмами, но смотрятся великолепно.

На эстраде пятеро музыкантов дудят, бьют в тарелки и барабаны, а ярко покрашенная певица со смутно знакомым лицом больше танцует, чем поет, уже мокрая, голые плечи и лицо блестят, в перерывах выкрикивает нечто вроде «фак ю, фак ол, фак год, фак сатан...», но все ритмично, танцевально, и хотя сейчас никто не танцует, но уже есть желание хотя бы притопывать, сидя за хорошо накрытым столом.

Андыбин и его семья устроились подальше от эстрады, под глухой стеной, там три сомкнутых стола, все мужчины крепкие, настоящей сталинской закалки. Я сразу признал кровную родню Андыбина по огромному росту и широким костям. С ними четверо женщин, тоже под стать мужчинам, Андыбин всерьез берется спасти Россию от вымирания, подбирая сыновьям в жены рослых и здоровых женщин.

Он поднялся навстречу, огромный, как медведь гризли, распахнул исполинские объятия:

– Борис Борисович!.. Мы уж отчаялись!.. Дорогие друзья, это наш дорогой Борис Борисович Зброяр, лидер нашего движения, действительно умный человек и, вы не поверите, – профессор! Это наша милая Юля, она у нас, вот клянусь всем на свете, несмотря на ее юность и красоту, мама всем нашим эрэнишникам. Обо всех все знает, обо всех заботится, для всех у нее есть подарок...

Потом представил своих сынов, те поднимались и щелкали каблуками, женщины протягивали руки, не вставая, только самая юная, Вероника, покраснела и вскочила, как школьница.

Нас усадили на оставленные нам стулья, официант тут же принес заранее заказанные салаты, наполнил фужеры и снова встал у стены, наблюдая за нашим столом. Сыновья и жены как раз заканчивали с холодными закусками, Андыбин встал и провозгласил тост за новоприбывших: руководителя РНИ Бориса Борисовича и прелестную Юлию. Я запротестовал, ведь собрались по случаю рождения правнука, Андыбин и даже его дети снисходительно заулыбались: для русского человека все праздники – это застолье, а любое застолье одинаково и отмечается прежде всего обильной выпивкой. Одинаковой в Новый год, Первомай, Женский день, дни рождений или поминки. А о причине застолья вспоминают изредка, когда больше не о чем вспомнить.

Андыбин – человек простых нравов, на горячее ему подали хорошо зажаренную крупную птицу, размером с гуся, даже не привычно оранжевую, а ярко-красную, почти багровую. Корочка потрескивала при каждом движении, из разломов вырывались струйки пара, как из кипящего котла под высоким давлением. Андыбин жадно втянул ноздрями аромат.

– Сейчас захлебнусь слюнями, – сказал он. – Что за птица?

– Индейка, – предположил Кирилл, его старший сын. – Батя, ты же сам заказывал!

– Я не заказывал, – ответил Андыбин. – Я только эта... помогал составлять меню, но в общем, в общем!

– Это мод, – сказал Влас, внук, он же сын Кирилла и отец новорожденного Василия. – Теперь генная инженерия каких только уродов не делает!

– Так это урод?

– Сейчас узнаем, – сказал Андыбин мудро. – Если невкусно, то урод, а все ученые – гады, что вредят природе-матушке. Если вкусно, то не совсем и гады...

В птицу вонзились ножи с двух сторон, корочка затрещала, распалась, обнажая нежнейшее мясо, истекающее сладким горячим соком. Запах ударил по лицу, как поезд-экспресс застрявшую на переезде козу. Мои ноздри затрепетали, улавливая ароматы чеснока, лука, перца, аджики – то ли повара так постарались, то ли в самом деле генетики, теперь не разберешь, да и неважно. Пусть каждый занимается своим делом.

Я смутно помнил, что мужчина должен ухаживать за женщиной, только они оказались и справа и слева, я поступил чисто по-русски: вспомнил, что у нас свобода и равенство, потащил себе на тарелку увесистый ломоть, а женщины позаботятся о себе сами, не стану же унижать их ухаживанием за столом, еще воспримут как намек на их неполноценность, по судам затаскают.

Вокруг измененного гуся, если это гусь, по кругу выложен заборчик из прекрасного зеленого горошка, натканы ломтики овощей, все пропиталось соком, восхитительно пахнет, еще восхитительнее на вкус.

Тарелка моя быстро пустела, Юлия сказала заботливо:

– Борис Борисович, позвольте положу немного рыбки... Вы, я вижу, просто не дотягиваетесь.

– Да-да, – согласился я, – руки какие-то короткие. Словно и не политик. Спасибо, Юлия!

К гремящей музыке уже притерпелся, наконец-то ощутил покой, расслабление, и вообще все вокруг начало нравиться. В двух шагах от меня на отдельном столике из серебряного ведерка, наполненного колотым льдом, выглядывает большая бутылка из толстого зеленого стекла, белая салфетка на краешке. Передо мной два элегантных вытянутых кверху фужера с золотистым вином, где непрестанно, рождаясь у самого дна, бегут к поверхности блестящие радостные пузырьки.

– Спасибо, Юлия, – повторил я. – Вы и здесь обо мне заботитесь.

– Это ничего, – ответила она задорно. – Вам можно!

– Почему? – поинтересовался я.

– Мужчины вообще мало обращают внимания на правила этикета. А уж русским националистам так и вовсе зазорно.

Я попытался понять, комплимент это или не совсем, но тут поднялся разгоряченный водочкой Кирилл, провозгласил тост за величие русского народа, сокрушившего хребет немцам, что бы там юсовцы ни говорили о своей ведущей роли, закончил словами о неизбежной гибели врагов земли русской. Мы все встали и сдвинули бокалы.

Юлия улыбается, ей все нравится, хороша, самая яркая не только за столом, но и во всем зале. Как и всякий мужчина, я уже осмотрел и оценил женщин, это у нас инстинктивно, на подсознательном уровне. Как, впрочем, и мужчин, что тоже автоматически, вне зависимости от сознания. Среди мужчин в ресторане немало и покруче меня, надо быть объективным, но среди женщин Юлия – самая. Это тоже, скажем, точная оценка. Не зря же некоторые козлы, а они все козлы, начинают поглядывать в нашу сторону, уже прикидывают, пора ли приглашать на танец, или же дать ей возможность осушить еще пару фужеров.

Влас, блестя глазами, похохатывал, втолковывал Кириллу:

– Пап, ну ты подумай: пустая комната, два титановых шарика... Он один сломал, другой потерял! Круто? Кто еще смог бы?

Кирилл усмехнулся, пробасил гордо:

– Нет вопросов. А ты слышал, ученые открыли, что Великая Китайская стена на самом деле построена не китайцами, а их соседями!

Влас хохотнул, сказал живо:

– А ты слышал, сейчас пессимист изучает китайский язык, оптимист – английский, а реалист – автомат Калашникова?

– Слышал, старо. А ты знаешь, когда наступит всемирный голод? То-то!.. Когда китайцы начнут есть вилками.

Влас захохотал громче.

– Слышал, китайцы взломали сайт Пентагона, каждый попробовал один пароль? Говорят, настоящий китайский мужчина должен в своей жизни построить тысячу домов, посадить сто тысяч деревьев... В общем, хоть как-то отвлечься.

С другой стороны раскрасневшийся Андыбин объяснял Глебу:

– наших полно по всему миру! Еще до революции миллионами выезжали за границу!.. Вся Канада вон на треть из наших. Да и другие страны...

Глеб кивал, соглашался:

– Да, батя, да. Россия воспрянет ото сна и позовет домой своих разлетевшихся по миру сыновей... и загнетса тогда американский балет, канадский хоккей и турецкая торговля...

Андыбин повернулся к хохочущим Кириллу и Власу.

– Ржете? А вот вам обоим случай покруче из нашего близкого будущего: штатовский президент ворочает киркой в каменоломне и ворчит на нашего, мол, просил же поддержать против Ирака! А наш отвечает: а я просил поддержать против Чечни! Третьим долбит киркой Шарон и бурчит на обоих: бараны, я же просил поддержать в Палестине!.. А сверху кричит араб с автоматом: кончай болтать, неверные!

Все похохатывали, я тоже засмеялся, но отметил для себя, что Андыбин уже не первый раз рассказывает подобные анекдоты. Вроде бы и насмешка над юсовцами, но и намек, что главная опасность-то в другом месте.

Кирилл закончил смеяться, сказал очень серьезно:

– Да, Христос Акбар!

– Воистину Акбар! – ответил Влас и, не выдержав, захохотал еще громче.

Андыбин с неодобрением покосился на почти полные бокалы передо мной и Юлией.

– А вы что не пьете?.. Сейчас ведь только август, самый благополучный месяц!

Юлия поинтересовалась:

– А какой неблагополучный?

– Январь, – сообщил Андыбин. – Проводы старого года, встреча Нового, Рождество, затем Новый год по старому стилю... Как – зачем старый Новый год? Это контрольный в печень!.. Глебушка, передай мне во-о-он то блюдо с той уродливой рыбиной. И крабов перемдвинь ближе...

Глеб послушно поставил перед отцом, сказал в мою сторону жалостливо:

– Ну, почему на мне все ездят?

– А ты седло сними, – посоветовал я.

– Ну да, – ответил он уныло, – без седла вовсе спину сотрут... Влас, что присматриваешься к салям? Это не твои флотские макароны! Тех не скоро увидишь!

– Почему?

– Теперь российские макароны экспортируются в Италию! В рамках санкций, наложенных на Италию Европарламентом.

Они захохотали, очень довольные, я тоже засмеялся, но что-то кольнуло, запоздало отметил, что все анекдоты и шуточки выставляют нас, русских, косорукими неумехами. Один сломал, второй потерял – в самом деле предмет для национальной гордости: ну кто еще в мире сможет быть таким разгильдяем?

ГЛАВА 7

Через стол, где чинно веселятся двое раскрасневшихся парней с двумя хохочущими женщинами, расположилась целая компания крепких мужчин явно уголовного склада. Все в свитерах грубой вязки, явно в комплекте у каждого еще и вязанные шапочки на лицо с прорезями для глаз. Впрочем, так выглядят и сотрудники налоговой полиции, но все-таки, несмотря на похожесть, отличие от тех, кто по ту сторону закона, есть, есть. Что в этих парнях уголовного, сказать сразу так вот в лоб сложно, наше время такое, что даже безобиднейшие молодые парни стараются походить на бандитов и загадочных киллеров, а не ученых и космонавтов, но эти, похоже, от мимикрии все же перешли к реалу. И ведут себя так, чтобы все сразу издали понимали: гуляют бандиты, настоящие бандиты.

На них старались не смотреть, мужчины отводят взгляды, однако все мирно, бандитам тоже нужно расслабляться, у них работа нервная, стрессовая, а где пьют, там не срут, так что все путем. Если их не раздражать, то все будет хорошо.

Стол у бандитов заставлен водкой, бутылки с наворотами, будто вручную стеклодувы делали, много мяса и мало зелени. Я бы не обращал на них внимания, но заметил ребят, что появились у входа, поглядывают на этих, снимающих стресс, один время от времени чуть склоняет голову и шевелит губами, ни к кому вроде бы не обращаясь.

Андыбин тоже заметил, широко улыбнулся.

– Похоже, что-то затевается.

– Разборка? – спросил я.

– А как же без нее, родимой, – ответил он, растягивая рот еще шире, словно собрался откусить от гамбургера. – Есть особые выделенные места для выпуска пара: салуны, бары, рестораны, корчмы, трактиры, стриптиз-бары...

Соображает, мелькнула мысль. Такие места никто не выделял, но все молчаливо согласились, что они должны быть, без них никак, иначе драки выплеснутся на улицы, вовлекая тех, кто в это время драться совсем не собирался. А так, у кого адреналин зашкаливает, идет в вечернее или ночное время в бар, салун или ресторан, там обязательно нарвется.

В зал вошли еще двое крепких парней, в дорогих костюмах, переговорили с метрдотелем, тот подозвал официантов и дал указания, а они отправились в туалет. Парень, что вошел первым, по-прежнему нашептывая в потайной микрофон, медленно двинулся через зал. Глаза его прицельно держали в перекрестье взгляда свитерочников, в то же время, похоже, замечает все, что происходит вокруг, есть такие ребята, что видят все, их выдает то ли походка, то ли еще что-то неуловимое.

Андыбин провозгласил тост, мы снова сдвинули бокалы, но уже и Кирилл поглядывал краем глаза, всегда интересно, когда драка. Юлия заботливо подкладывала мне на тарелку всякое-разное, мужчины в зале повернулись в сторону сцены, на смену певице вышла роскошная блондинка с могучим бюстом, музыканты грянули с удвоенным энтузиазмом, блондинка начала медленный томный танец, пальцы ее взяли за тесемки корсета.

– Стриптиз, – пояснил Андыбин с удовлетворением. Он сыто рыгнул, посмотрел на Юлию, сказал сконфуженно: – Прости, Юлия. Ты настолько свой парень, что как-нибудь приглашу тебя пойти с нами по бабам!

Бандитская компания насторожилась, новоприбывший остановился у стола и что-то говорил, обвиняюще тыкая пальцем в одного, по виду, авторитета. Тот выслушал, кивнул. Двое поднялись, плечи широки, под грубой вязкой задвигались тугие мускулы. Влас даже развернулся на стуле, провожая их заинтересованным взглядом.

Кирилл поморщился, когда он поднялся.

– Куда?

– Отлить надо бы, – ответил Влас. Посмотрел на Юлию, игнорируя жену и остальных женщин: – Извини.

– Иди отливай, – разрешила Юлия и тут же предупредила: – Любопытной Варваре нос оторвали. Слышал?

– Не оторвут, – пообещал Влас бодро.

Он удалился, Кирилл проводил его слегка встревоженным взглядом. Как ни крут сынок, но вся спецназовская подготовка ничего не стоит против выстрела из пистолета или удара ножом в спину.

Андыбин, расчувствовавшись, уже с красной рожей, но трезвый как стеклышко, подозвал официанта.

– Скажи, сколько стоит заказать песню?.. Всего-то?.. Хорошо, пусть сыграют мою любимую – «Варяг». Нет, для кого играем, объявлять не обязательно, просто пусть сыграют...

Кирилл сказал обидчиво:

– Батя, пусть сыграют для моего внука!

– Хорошо, – сказал Андыбин официанту, – пусть сыграют для Василия Андыбина, которому сегодня ровно две недели! И который когда-то уйдет защищать Родину.

Официант исчез, а довольный выдумкой Андыбин потянулся через стол наполнить нам с Юлией фужеры, опережая второго официанта, мол, за дорогими гостями поухаживает сам. Кирилл провозгласил тост, все выпили, заговорили, только жена Власа, не запомнил ее имени, ничего не ела, глаза ее не отрывали взгляда от дверей туалета. Я повернулся к Юлии, услышал вздох, жена Власа уже смотрит счастливыми глазами, муж возвращается веселый и бодрый, глаза довольно блестят.

Андыбин спросил сурово:

– Что так... долго?

Он зыркнул в нашу сторону, видно, как удержался от эпитетов насчет проглоченной веревки и прочих ехидств, а внук сел, стали заметны красные пятна на левом виске и правой стороне нижней челюсти.

– Все в порядке, – заверил он. – Там в самом деле была разборка. Сперва два на два, а потом подошел третий... Крутой бычара! Завалили тех двух, хотя и самих потрепали. А тут я подошел руки мыть...

– ...и нечаянно толкнул одного, – заметил Кирилл язвительно.

– Толкнул, – сознался Влас. – Или на ногу наступил, не помню. Но я же сразу извинился!

– Понятно, – сказал Андыбин с укором. – Никак не повзрослеешь. Милицию вызвал?

Влас удивился:

– Зачем?

– Ну, представляю, что там сейчас...

– Зеркало треснуло, – сообщил Влас, – в двух кабинках повреждены двери, от умывальника отколол кусок кафеля... А так все чин-чинарем! Я посоветовал администратору, чтобы удержал с драчунов.

Кирилл сказал еще язвительнее:

– А драчунами считать тех, кто побежден?

– Ну, а как же?

– Да ты, брат, юсовец! У них победивший всегда прав. Через пару лет будем читать, как на них нападали по очереди злобные Сомали, Югославия, Ирак...

Андыбин выпрямился, посмотрел орлом по сторонам.

– Что-то нам песню не несут... Тьфу, не поют!

Сын сказал с усмешкой:

– Ноты ищут.

Андыбин кивнул второму официанту:

– Узнай, что там застряли. Если забыли, как это играется, то я согласен на что-нить из Пугачевой или Пахмутовой. Это композиторша такая.

Сын сказал обидчиво:

– Ну вот еще! Пусть «Варяг»! Самая красивая песня, какую знаю.

– Да, – согласился Андыбин. – Пусть все-таки «Варяг». Это как гимн, эту песню должны знать все.

Официант вернулся, разводил смущенно руками, пролепетал, что такие песни не играют. Андыбин рассвирепел, а Кирилл, как более продвинутый в вопросах современного менеджмента, сразу же вызвал метрдотеля, потребовал отчета. Метрдотель, солидный красивый мужчина с хорошо поставленным голосом и безукоризненными манерами, прибыл не спеша, как и должен прибывать хозяин к гостям, без излишней услужливости, слегка поклонился.

– Вас что-то тревожит?

– Да, – прорычал Андыбин. – Я заказал песню, а ее отказались исполнять!

– Возмутительно, – согласился метрдотель, – это настоящее безобразие, сейчас все исправим. Как они могли?

– Совсем распоясались, – подтвердил Андыбин. – Вы уж прикрутите им хвосты.

Он сел, довольный, официант пошептал метрдотелю на ухо, тот сразу изменился в лице, оно вытянулось, как у вздумавшего худеть коня, глаза же, напротив, сошлись в кучку, как галактики-каннибалы. Бросив в нашу сторону острый взгляд, он пошел говорить с музыкантами. Мы, довольные исправляющимся положением, только здесь и можно ждать улучшения, рынок все-таки, здесь все делается по запросам и желаниям, но метрдотель развел руками, вернулся к нашему столику и снова развел руками.

– Сожалею, – ответил он вежливо и одновременно холодно, – но у нас таких песен не играют.

Андыбин приподнялся над столом, как большая грузная жаба перед прыжком, могучая шея борца вздулась и налилась кровью.

– Таких? – переспросил он. – Это каких не играют? Патриотических?

Не только за нашим столом, но и за соседними перестали есть и пить, прислушивались. Метрдотель покачал головой.

– Русских, – произнес он ровным голосом. – Вообще русских.

Андыбин громко ахнул, у его отвисла нижняя челюсть.

– Ру... русских не играют?.. В русском ресторане?

Метрдотель снова покачал головой, по сторонам он, казалось, старался не смотреть.

– Мы не навязываем свои вкусы, – пояснил он негромко, чтобы не слышали за соседними столами. – Миром правит экономика! Рынок, понимаете? Музыка только та, какую желают гости. И песни те, что хотят. Которые хотят. Наш ресторан существует уже двенадцать лет. Что делать, пока еще ни одной русской песни! Нет-нет, кто посмеет запрещать, но гости за столиками предпочитают... простите, иностранное.

Кирилл положил ладонь на плечо Андыбина, удерживая на месте, тот все порывался вскочить с ревом, как медведь, явно опрокинет стол, с другой стороны в Андыбина вцепилась восьмипудовая жена, удерживает, метрдотель развел руками, поклонился чуть-чуть и удалился. Андыбин все же занес кулак над столом, Кирилл перехватил на лету, разжал бате стиснутые пальцы и прижал ладонь к столу.

– И что же? – прорычал Андыбин. – Мы в России или где?.. Мы русские или кто? Думал, «Варяг» забыли, хотя как можно такое, а они вообще оборзели!.. Это что же, иванство, не помнящее родства? Да как же можно после этого русским?.. Без песен русским быть уже точно невозможно! И немыслимо. Борис Борисович, как такое можно?

Я ответил дежурно, чувствуя себя гадостно:

– В России возможно все.

– Но это разве Россия? Это здесь, в этом гребаном ресторане? Или и в других?

За столом наступило тяжелое молчание. В ярко освещенном зале словно бы потемнело, дальние стены потонули во мраке, а температура начала понижаться. Пахнуло могилой, я зябко передернул плечами. По ту сторону стола Кирилл побледнел, осунулся. Я ощутил на локте теплые пальцы Юлии.

Андыбин сказал с горьким недоумением:

– Но кому морду бить?.. Кто наши песни не исполняет: проклятые жида, юсовцы?.. Нет, в оркестре наши рожи, хоть и косят под юсовцев. Ишь, рубахи с ихними лейблами!.. Наши же морды поют на английском!

Влас буркнул:

– У них отмазка железная.

– Какая?

– Мол, народ в зале слушать нашенское не желает.

Кирилл сдвинул плечами.

– Отмазка... или не отмазка. Нашенское в основном уступает, согласен. Но все-таки патриоты мы или не патриоты?

Они все смотрели на меня, я ответил нехотя:

– Мы – да. Они – нет.

Андыбин горестно покачал головой.

– Мы, они... Сколько нас? А их сколько?

А Влас вдруг предложил с русской бесшабашной удалью:

– Да хрен с ними!.. Давайте сами споем! А что? Вот споем, и все.

Андыбин оживился, сказал кровожадно:

– «Варяг»!

Снова посмотрели на меня, я перехватил предостерегающий взгляд Юлии, пахнет легким скандалом, сказал успокаивающе:

– Давайте споем, ведь мы в своей пока что стране и на своей земле. И можем петь свои песни. Но не стоит «Варяг» или там «Варшавянку», а то выходит, мы кому-то что-то доказываем. Фиг им, обойдутся! Споем что-нить про любовь, про коней, про женщин...

Жена Власа, имя которой так и не вспомню, сразу сказала:

– А давайте «Ой при лужке, при лужке...»?

Теперь посмотрели на Андыбина, тот кивнул.

– Запевай.

Влас сразу же затянул красивым сильным голосом, Кирилл и остальные подхватили, чуть позже присоединился сам глава семейства, у него могучий баритон, почти бас, я поддержал, как мог, слова помню смутно, что-то про коня, что гулял на воле, красивая песня, про коней все песни красивые, гордые, чуточку разгульные,

Сбоку вроде бы движение, я слегка повернул голову, за соседним столом приличная пара торопливо подозвала официанта. Тот принес счет, с ним расплатились, спешно поднялись, оставив недоеденную рыбу и недопитое вино. Еще одни спешно расплатились и заспешили из помещения, словно мы телепортировались за стол прямо из Китая с атипичной пневмонией.

Андыбин и его сыновья с невестками, увлеченные пением, не замечают, что народ спешно покидает зал. Слишком массово, ну не может всем вот так приспичить домой смотреть «Рабыню Изауру», все дело в нашем пении... в том, что поем по-русски! Народ покидает зал... почему?

Юлия тихонько вздохнула, перестав петь. В темных глазах глубокая грусть, на меня взглянула с сочувствием, как на безнадежно больного. Сволочи, мелькнуло у меня в голове. Или просто тупые трусливые скоты? Ведь удирают потому, чтобы никто не подумал, что они с нами, что они из нашей компании! Что они тоже могут петь русские песни. Или хотя бы слушать.

Из соседнего зала прибежал фотограф, торопливо фотографировал тех, кто поет русское. Чуть позже примчались как на пожар телеоператоры и тоже снимали удивительных людей, что все еще поют по-русски, надо будет такое показать в рубрике «Курьезы». Объектив сдвигался вправо-влево, вверх-вниз, я чувствовал, как в кадре появляются вполне приличные костюмы, добротные туфли, хорошие рубашки и аккуратно повязанные галстуки: как, как могут эти люди петь что-то русское? На русском языке? Или это и есть ужасные русские патриоты? Патриоты, значит – националисты? Националисты, значит – фашисты? Да-да, фашисты. Русские фашисты. Самое страшное, что есть на свете, конечно же, русские фашисты.

Правда, русских фашистов еще никто никогда не видел, но вот они, наверное, они и есть – русские фашисты! А с виду совсем как люди. А по ночам, как известно, кровь еврейских младенцев пьют ведрами.

Кирилл сказал с горьким смехом:

– Ну что, батя, ты все еще хочешь спасти эту страну?

– Не «эту»! – резко сказал Андыбин. – Для меня это все еще Россия, а не «эта страна»!

Кирилл сказал до жути трезвым голосом:

– А для меня... а для меня уже «эта страна». Устал тащить из дерьма. Если им так в дерьме жить нравится, то... пусть?

– А ты? – спросил Андыбин враждебно.

– А я не стану, – ответил Кирилл чужим голосом. – Как там у классика: «Ни слова русского, ни русского лица не встретил...»

Андыбин прогрохотал тяжелым голосом:

– Перестань и думать такое! А то чем породил, тем и убью!

– Да лучше убей, – ответил Кирилл тускло. – Мы как партизаны в чужой стране!.. Батя, чтобы Россию увидеть, надо в самое дальнее село ехать! В тайгу, куда еще эти патлатые не добрались. Да и там, если доберутся, за бутылку водки продадут. Если выбор – жить в дерьме всю жизнь без надежды выбраться, только опускаться все глубже... или же плюнуть на все и уехать куда-нибудь в Швейцарию, то выберу Швейцарию. Спасать надо тех, кто хочет, чтобы его спасли. А тащить из дерьма силой... Нет уж!

Я кивнул Юлии, мы поднялись, я сказал тепло:

– Это все временное. Когда Грибоедов писал свое «...ни слова русского, ни русского лица не встретил», Россия говорила на французском, бредила французским, как до того времени – немецким, если кто слышал о временах бироновщины. Но прошло время – заговорили и запели на русском! Так что наше солнце еще взойдет. Пусть ваш сын, внук и правнук растет крепким и здоровым, а счастливым он будет обязательно! На этом мы прощаемся, нам еще надо успеть в одно место...

Андыбин кивнул, мол, знаем, в какое место, дело молодое, лицо оставалось угрюмым, но уже начинает светлеть. Я подхватил Юлию под локоть, мы покинули почти пустой ресторан.

При повороте ключа зажигания автоматически включилось «Авторadio», салон наполнили звуки «Gothic-3», самой хитовой песни, вот уже третью неделю не покидает верхнюю строчку рейтинга.

По ночной улице прет, как раскаленная лента гигантского прокатного стана, сплошной поток машин. Свет фар дробится на блестящих покрытиях, сверкающем асфальте, металлических столбах. Огни реклам и фонарей заливают город огнем, в то время как сверху нависает страшное черное небо, без звезд и луны.

«Gothic-3» сменился «One Way Ticket», я всегда слушал эту грустную песню с удовольствием, но сейчас вдруг поймал себя на мысли: погоди, а как давно слушал русские? И, кстати, почему едва не сказал: «русские народные»? Или со словом «русские» уже стало ассоциироваться именно «народные», то есть старое, старинное, оставшееся в прошлом? А современ-

ное – обязательно не русское? Даже если оно русское, то все равно: если современное, технологичное, то уже не русское. А русское – это вроде индейцев в национальных нарядах и с томагавками.

Юлия поинтересовалась участливо:

– Что-то случилось, шеф?

– Я сейчас не шеф, – напомнил я.

– Ну, босс.

– И не босс, – возразил я. – Я самец, который пригласил в ресторан красивую молодую женщину. Завтра, когда выйдем на работу, то... Черт!

– Что еще?

– Да эти «шеф», «босс»... И вот сейчас пытаюсь вспомнить десяток русских песен, насчитал шесть, а штатовских без запинки назову десятка два. Еще штук сорок вспомню, когда услышу первые такты... Как-то сами заползли, даже не знаю, когда и как.

Она прошептала:

– Борис Борисович, это я испортила вам вечер.

– Почему? – удивился я.

– Не знаю, – призналась она. – Кажется, не будь меня, вы либо не обратили бы внимания...

Она запнулась, я закончил:

– ...либо не поехал вовсе, что точнее. Вы правы, Юлия, столько перемен, а я живу как под стеклянным колпаком. Да и то матовым или даже тонированным, как в машине. Ничего не вижу, ничего не слышу, даже ветерка не чувствую. Ветерка перемен.

Яркие огни реклам, вывесок – все или почти все на английском, а какие кириллицей, то всего лишь кириллицей, а так все те же камелоты, морганы, фальстафы, мюнхгаузены, титаники, асгарды, локи, буцефалы...

Изменения нарастают стремительно, но мы настолько в делах и делишках, что все мимо, мимо... Вечером засыпаем в одном мире, а утром выходим уже в другой, изменившийся, но не замечаем: гвоздь в моем сапоге, как сказал Маяковский, кошмарней всех фантазий Гёте!

Не замечаем, что говорим частью на английском, читаем их книги, смотрим их фильмы и больше слушаем, что сказал штатовский президент, чем российский.

Юлия сидела притихшая, то ли грустила слегка, то ли заново переживала вкусные моменты. Я посматривал искоса, стараясь понять, как она себя чувствует. Вечер был хорош, действительно был бы хорош всем, если бы не эпизод с русскими песнями...

Сделать женщину счастливой, вспомнилась расхожая мудрость, очень легко, только дорого. Брехня, я же видел, что Юлия просто счастлива, хотя с ее внешностью и шармом могла бы ежедневно просиживать в лучших ресторанах, ее бы приглашали наперебой.

Женщины и мысли обнажаются не сразу, я только к концу вечера рассмотрел, что она действительно красива. В офисе как-то не обращаешь внимания, весь в делах, а здесь посмотрел по сторонам, поглазел на других женщин, невольно сравнил... Другие женщины на нее посматривали, словно таможенники на границе между Россией и Украиной, самые строгие на свете.

Юлию по старинке отвез к дому, дождался, пока откроет дверь подъезда, руки привычно повернули руль, промчался между домами и вылетел на шоссе. В самом деле, слишком сосредоточился на своей работе, а жизнь меняется, как уже сказал, стремительно. Я создал РНИ в одной стране, а сейчас мы уже в другой, хотя и та и другая зовется Россией, даже демократической Россией.

Как-то незамеченным прошло, что русские песни за это время вытеснились роком, рэпом, рэйвом и прочим-прочим. Метрдотель сказал ужасающую вещь: в большинстве мос-

ковских и петербургских клубов, ресторанов и даже кафе на русском языке петь попросту не разрешается. Вот именно – не разрешается! Причем все это не спускается сверху, напротив – услужливые и предупредительные хозяева идут навстречу пожеланиям «народа». Добро бы иностранные песни предпочитали какие-то нувориши, олигархи, они все жиды – понятно, но ведь даже на стенах в подъезде, в лифте нацарапано: «fuck», «I fuck you», а это самый страшный показатель: если уже и от мата люди отказываются, то это вообще хана, капец, капут. Ругательства теряются в последнюю очередь. Старшее поколение все еще матерится по-русски, но молодежь...

По «Авторadio» передали о большой пробке из-за аварии впереди, я вовремя свернул и огородами, огородами пробрался на параллельную. Перевел дыхание: дорога свободна, мысли снова вернулись к праздничному ужину в честь юного наследника династии Андыбиных. Мне пришлось уже три страны поменять, не сходя с места, а он и вовсе окажется в мире, представления о котором не имеем... хотя должны бы, ведь мы – политики!

Кирилл сказал хвастливо, что, если б Россия могла собирать два урожая в год, было бы в год два неурожая, а Глеб с гордостью добавил, мол, в России что не тонет, то огнем горит. Именно это и ввинтилось, как шуруп, в мое сознание – что хвастливо и с гордостью. Нам, русским, очень нужна уникальность, потому сперва гордились, что наш Миклухо-Маклай открыл папуасов, потом хвастались выходом первыми в космос, а теперь бахвалимся косорукостью и беспорядным пьянством, которому, опять же, нет в мире аналогов!

И еще Андыбин с его шуточками насчет китайцев. Когда Кирилл сообщил, что китайцы уже строят всю космический флот, вторую орбитальную станцию заканчивают, Андыбин напомнил, что самым развитым производством в Китае на сегодняшний день является производство китайцев, а главная мировая проблема в том, чтобы не дать китайцам рис ложками есть...

Влас на это хохотнул и голосом водителя поезда метро сказал: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Китай-город». Платформа справа, китайцы слева». Все хохотали, но меня это резануло. Шуточка как шуточка, но что-то в ней тревожное... Или наш извечный страх перед численностью китайцев?

Впереди водитель выбросил из окна бумажный сверток, тот нехотя опустился на дорогу, его погнало ветром под колеса автомобилей. Кто-то успевал чуть подать в сторону, кто-то мял колесами, я подумал с бессильной злостью, что догнать бы козла да по роже, по роже... Нет, все бесполезно. Это же наша Россия, это же всем рожи чистить надо, из окон автомобилей просто массово выбрасывают огрызки яблок, обертки от мороженого, даже презервативы.

Мы оглядываемся на чистоту улиц и дорог в Штатах, но стыдливо умалчиваем, какой ценой чистота достигнута. Там вот так брось грязную бумажку на проезжую часть – штраф на половину месячной зарплаты. Второй раз – все фиксируется! – и с двумя зарплатами расстаешься. Поневоле станешь прилежным и вежливым.

ГЛАВА 8

На часах половина двенадцатого ночи, когда оставил машину в гараже и добрался наконец-то к убежищу на семнадцатом этаже, выше только крыша. Здесь мое логово, здесь уютно... только почему-то холодно, будто не август, а уже ноябрь. От окна дует, ушел на кухню, но и там как в холодильнике. Включил масляный обогреватель, подержал над ним руки с растопыренными, как у жабы, пальцами. Кожа разогрелась, но внутри все та же глыба льда, не тает. Догадался взглянуть на домашний термометр, двадцать один, лучше не бывает, так что этот холод у меня внутри. И вообще гадко и тревожно, я вляпался в большую политику, и вот только теперь, когда начинаю видеть все больше колесиков,двигающих общество, со страхом понимаю, что большинство из них либо проржавели и рассыпались, либо пробуксовывают. Президент не последний дурак, но что он может?

Куда спокойнее думать, что президент дурак или сволочь. С таким убеждением жить легче, вроде бы если сменить на «хорошего», то сразу все наладится. Но страшно осознать, что президент не принимает никаких мер потому, что к русским это невозможно. Но это понимаю только я да еще несколько человек в стране. Они видят, что все пущено на самотек. Мы просто существуем без цели и смысла. А дальше будет еще страшнее. Придут и сожрут.

Компьютер включился, проверился насчет вирусов и троянов, доложил, что в почтовом ящике полсотни писем. Я взглянул бегло, с удивлением обнаружил письмо на английском. Оказалось от старого знакомого профессора Джеймса Олдвуда, специалиста по геомагнитным аномалиям, уроженца Южной Африки, он ее упрямо называл Родезией, а то и вовсе Трансваалем, теперь он живет и работает в США. В письме обращался с просьбой на перепечатку моей работы по поводу структуры земного ядра, я подумал, взглянул на прилагаемые номера аськи, мобильного, видеоконфы, набрал номер, выждал, пока пищало и пролагало причудливый путь за океан: Интернет такая нелепая штука, что иногда с соседом в доме напротив общаешься через узлы в Австрии или Австралии.

Наконец связь установилась, я поправил на мониторе раскорячку видеоглазка, сел свободнее в кресле и приготовил радушную улыбку, ведь Олдвуд теперь юсовец, а те человека без улыбки опасаются: вдруг да укусит.

Заставка исчезла, на экране появилось бледное движущееся пятно, потом резкость взяла верх, я увидел, как Олдвуд устраивается в кресле. Лицо, слегка искаженное крохотной телекамерой, выглядит сильно постаревшим, что неудивительно, мы не виделись лет десять, а жизнь бьет ключом по голове иммигрантов в первую очередь, но все такой же сухощавый, загорелый, в белой рубашке с неизменным клетчатым галстуком, что-то явно корпоративное, пронзительно-голубые глаза смотрят с той же интенсивностью, как и двадцать лет назад, когда мы впервые познакомились на одном из международных симпозиумов.

– Приветствую, Борис Борисович, – сказал он, четко выговаривая слова на тот случай, если я уже забыл английский, хотя с этим натиском юсовщины его хрен забудешь, – рад тебя видеть. Ты все такой же, как огурчик...

– Прыщавый и зеленый? – уточнил я. – Рад тебя видеть, Джеймс. Ты не изменился с прошлой встречи, такой же спортивный. Все еще на горы лазишь?

Видно было, как отмахнулся, кисть руки смазалась, вся технология Интернета еще не в состоянии передать быстрые движения в рилтайме, покачал головой.

– Альпинизм давно забыт, не до него!.. Столько проблем, Борис Борисович. Извини, что побеспокоил, наши ребята готовят комплексное исследование структуры земного ядра, а твои работы в этой области едва ли не краеугольные. Многие опираются на них, я как-то спрашивал тебя о разрешении использовать...

Я перебил:

– Что за проблемы? Я еще тогда ответил полным согласием!

– Да, – сказал он живо, – но я подумал, что за это время у тебя могли быть еще работы. Не могут такие люди, как ты, сидеть без дела и наслаждаться выращенными плодами!

Я развел руками, стараясь делать это помедленнее, на экране все равно будет чуточку смазано.

– Увы...

– Не работал? – спросил он недоверчиво.

– К сожалению, – ответил я смущенно.

– Что так? – спросил он. В глазах промелькнуло неподдельное участие. С возрастом лица немолодых людей становятся все выразительнее за счет морщин, складок, и сейчас я видел в его взгляде сочувствие и понимание, мол, всех нас засасывает текучка, уходим от науки. – Впрочем, жизнь есть жизнь, вон и Корнуэл, помнишь его, поселился на тихом озере, отдалился от людей и сидит с утра до ночи с удочкой...

– Гм... да... – промямлил я. – Да, конечно... Не все идут по ровной прямой... К тому же жизнь, ты верно говоришь, вносит коррективы...

Еще с минуту мы пообщались, а когда распрощались, явно оба чувствовали облегчение. Ему неловко, что я ушел из науки, а я не могу объяснить, что ушел не рыбку ловить и созерцать облака на досуге, а окунулся в еще более бурную деятельность. Наступают времена, когда, кем бы ты ни был, прежде всего должен думать о гибнущем Отечестве, а потом о себе. К сожалению, наукой можно заниматься только в относительно спокойном и стабильном обществе, а когда на кухне пожар, то как-то несвоевременно в кабинете рассматривать в микроскоп каплю воды.

Еще с минуту я тупо и в раздражении смотрел на монитор, затем высветилось окошко браузера, это мои пальцы уже стучат по клавише, вышел в поисковую систему, в окошке набрал фтитипи и адрес гугла, ткнул в Enter, через пару секунд появилась страница ссылок. Я бросил взгляд на правый угол, присвистнул озабоченно, семь тысяч ссылок. Многовато. Наверняка еще и полные тезки, надо отсеять, введу-ка еще дополнительные требования, вот так... и вот эти... теперь снова энтерякну... ага, уже лучше, четыреста семьдесят... хоть и многовато, конечно...

Самые популярные сайты, естественно, вверху, вниз идут по мере посещаемости, сайт университета, где кафедра Джеймса Олдвуда, на двадцать третьем месте, что странно, а научные издания, где его наиболее важные работы, еще ниже, ниже...

Я автоматически щелкнул курсором на ссылке под номером один, успел заметить, что в самом деле попал не туда, это же сайт штатовских консерваторов, третья, как они себя называют, партия, что критикует и республиканцев, и демократов... но уже возвращать поздно, быстро загрузилась, высветилась страница. Мои пальцы едва не щелкнули по кнопке возврата, успел задержаться: на главной странице лицо Джеймса, именно сегодняшнее, исхудавшее, но волевое, сильное, под фото короткая надпись: «Джеймс Олдвуд – председатель Консервативной партии».

– Ни фига себе, – пробормотал я. – Так и ты, дружище, не рыбку ловишь!

Правда, судя по биографии, Джеймс науку не оставил, но это и понятно: будь в России все в порядке, хрен бы я полез в политику, наука интереснее, а политика – это так, вынужденное, когда видишь, что не справляются те, кто должен справляться. Сейчас Джеймс ведет активную работу, число членов его партии чуточку возросло, хотя, конечно, в сравнении с республиканцами и демократами мизерно. Тех и других в одном штате больше, чем членов Консервативной партии во всей стране. Не удивительно: вот программа, весьма жесткая, вот способы выхода из кризиса... да-да, Джеймс считает свою новую страну в глубоком кризисе, нам бы их кризисы, вот его резкие статьи против политкорректности, вот требования ввести закон, ставящий гомосексов и прочих извращенцев вне закона, а вот и план перестройки образования...

Я читал жадно, многие положения, изложенные на английском, кажутся новыми и свежими, хотя, если перевести на русский, я обнаружу их же в программе русских националистов. Так к человеку, говорящему с акцентом, прислушиваемся внимательнее, даже запомним больше слов, чем если бы говорил диктор на безукоризненно-стерильном русском.

Инстинктивно потянулся к горячей клавише вызова, у нас с южноафриканским коллегой, а теперь американцем, намного больше общего, чем он подозревает, едва успел задержать палец в воздухе. Все-таки надо внимательно прочесть все, что у них в программе. Джеймс – светлая голова и острый ум, он всегда отличался точными формулировками, его высказывания всегда краткие, почти афористичные. И, самое главное, он из тех, кто очень рано понял, что себе набрал уже достаточно, теперь надо позаботиться и об обществе.

Правой рукой скроллировал по тексту, а левой копировал куски и отправлял в файл, а потом и вовсе начал сбрасывать прямо на принтер, отнесу в штаб, пусть ознакомятся все, в особенности Лукошин и Романцев, оба не различают США и Юсу, им вообще бы всю Америку смести на фиг, не обращая внимания на то, что Америка – это еще и Канада, и Мексика, и Бразилия, и еще два десятка стран... Хотя, конечно, если смести с лица Земли всех латиносов – не жалко, от них все равно никакой пользы: ни работать, ни учиться не хотят, то же самое, что и негры...

Кстати, Джеймс постоянно публикует на своем сайте и во всех газетах, где удастся проскользнуть между молотом и наковальней политкорректности, что, по данным статистики, негров и латиносов не только в научно-исследовательских центрах нет, что-то не видно их и в аудиториях университетов, зато на бейсбольных площадках готовы и ночевать с мячом в обнимку, а ведь цивилизация движется все-таки учеными, а не игроками в футбол.

На него трижды покушались, ребята из партии несут круглосуточную охрану вокруг его дома и в самом офисе Консервативной партии. Никогда бы не подумал, что националисту в Штатах жить труднее, чем в России! На меня, во всяком случае, еще ни одного покушения, тьфу-тьфу, только время от времени демонстрации перед зданием, да еще на все наши митинги и шествия тут же являются отряды очень бдительных ребят из совсем не правительственных организаций, но оснащенных и вооруженных по самому последнему слову техники, что не всем службам ФСБ по карману.

А вот отдельная статья, где Джеймс убедительно и едко доказывает, как деградирует западная цивилизация, в частности США, в капкане политкорректности. Та-а-ак, дальше требования запрета, чисток, повышения планок, а вот и требование повысить престиж ученых, изобретателей, допустить их до планирования жизни современного общества...

Я хмыкнул, так тебя политики и допустят, да они скорее негра-бейсболиста введут в правительство, чтобы все видели политкорректность строя, а также пару трансвеститов с куриными мозгами, но ученые – люди умные, должны понять эти необходимые меры, общество-де нуждается в мирном сосуществовании, пусть все будет тихо, совсем тихо, еще тише, ну как на старом загнивающем болоте или заброшенном кладбище...

Не выдержал, набрал номер, а когда засветился экран, сказал с ходу:

– Поздравляю, Джеймс!

Он спросил настороженно:

– С чем?

– Ты будешь смеяться, – ответил я, – но я тоже возглавляю одну из оппозиционных правительству партий. Что это с нами случилось, Джеймс? Почему мы, не самые тупые из ученых, ушли в политику?

Он ответил живо:

– Я не ушел! Я по-прежнему возглавляю кафедру. Просто страна все больше увязает в этой гребаной политкорректности. Совершенно забыт дух индивидуализма, который и сделал Америку сильной!.. Я не выношу, когда мне в приказном порядке навязывают сверху негров в

коллектив. Не потому, что я расист, а потому, что они ни хрена не умеют делать и, представь себе, не хотят!.. А глядя на них, и другие начинают...

Он умолк, глядя на меня выжидательно, не слишком ли много сказал, я кивнул,

– Джеймс, я думал, это только наше, чисто русское!.. Ну, когда каждый старается не перетрудиться, мол, что я за того козла работать буду?.. Паршиво, конечно. С другой стороны, я не ожидал, что политкорректность – такая серьезная оппозиция.

Он отмахнулся.

– Шутишь?

– Разве нет? Ты – крупный ученый...

– Но не политик, – ответил он с горечью. – И моя партия – это курьез. Общество вязальщиц на спицах куда влиятельнее. Да и что такое ученый, пусть даже самый крупный, в современном обществе? Куда мельче провинциального комика или диджея. Но что-то же делать надо? Нельзя же вот так смотреть, как толпа слепцов идет к пропасти?

– Нельзя, – согласился я после тяжелой паузы.

Утром я все с той же привычной осторожностью вступил в лифт, стараясь не наступить на кучу дерьма и ворох грязных бумаг в углу, под ними может оказаться куча дерьма еще больше, тремя этажами ниже лифт остановился, я очень-очень осторожно подвинулся, давая место. Мужик вошел, сразу же отвернулся к двери, чтоб меня не замечать и выйти первым. Выйти первым из лифта – это как бы первым подойти к кормушке, у русских означает что-то вроде более высокого статуса.

В подъезде две бабы разговаривают с консьержкой, загородив ее толстыми жопами, так что та не видит, кто входит в широко распахнутую дверь. Еще один мужик в костюме за пару тысяч долларов, с ролексом и перстнями одной рукой перебирает на столе бесплатные газеты, в другой – банка пива. Когда вышел из подъезда одновременно с нами, лихо швырнул банку в стену.

Я смерил его взглядом, сказал сдержанно:

– Мусорный ящик в двух шагах. Неужели трудно бросить туда?

Жлоб отмахнулся.

– Здесь уборщица.

Я поинтересовался:

– А вы за нее платите?

Жлоб нагло усмехнулся:

– Но вы же платите!

Я пошел дальше как оплеванный, весь кипел от бешенства. Будь я постарше, уже принимал бы валидол. У нас элитный дом бизнес-класса, но треть жильцов не платят даже за консьержку. Не потому, что бедные, а нравится нарушать закон или, скажем, законы общежития, общепринятые правила. Тешит безнаказанность. Их дети размалевывают стены матерной бранью, рисуют непристойные картинки, ломают телефонные будки, гадят в лифтах. Просто так. Чтобы было нагажено. Чтобы жильцы или гости вошли в такой лифт и вляпались. Или хотя бы вынуждены были терпеть вонь, пока медлительный лифт ползет на нужный этаж. И ужасались при мысли, что лифт застрянет...

До сих пор в стране нет эффективного механизма, чтобы заставить платить, вот и не платят. А я размечтался, что у нас будут штрафовать за выброшенный из окна автомашины огрызок яблока! При всех восторгах насчет западной демократии как-то стыдливо умалчивают, что в Штатах не просто существует смертная казнь, которой нет у нас, у них там сажают на электрический стул, травят газом, душат, вводят смертельные инъекции, а те, кому повезло, получают по триста-четыре года каторги без права снижения срока. При таких законах все эти

жлобы мгновенно стали бы добропорядочными. И детей приучили бы к вежливости и прочим атрибутам цивилизованного образа жизни в обществе.

ГЛАВА 9

Юлия ласково улыбнулась, я ощутил, как ожесточившееся сердце слегка смягчилось. Кто-то говорил, что, если хотите узнать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте. Я смотрел долго, она даже забеспокоилась, я видел, как попыталась украдкой оглядеть себя, что же в ней не так, а когда я уйду, обязательно посмотрит в зеркальце.

– Доброе утро, Юлия, – сказал я. Неожиданно для себя добавил: – Увидел вас, теперь чувствую, что оно будет добрым.

Ее улыбка стала растерянной, я кивнул и прошел к себе. Слева на столе куча бумаг, все требуют срочного внимания, справа листок с перечнем наиболее неотложного. Хороший вождь партии, как почему-то считается, должен вникать во все мелочи, все знать и все уметь. Дурь какая, это в первую очередь свидетельство неумелости команды, ее лености и постоянного увиливания от работы. К счастью, в РНИ таких нет, скорее напротив: все горят такой неистовой страстью отдать все силы Отечеству, что от излишнего усердия могут наломать дров. Хорошо, есть и такие мудрые, битые жизнью монстры, как Власов и Романцев, да и тот же Андыбин: не дадут молодым понестись вскачь по рытвинам, растряхивая как РНИ, так и всю Россию.

Перебирая бумаги, откладывал те, где нужна подпись, остальные пусть отлежатся, спелее будут. Власов придет, разберется. Или один из его помощников. Не дело вождя превращаться в завхоза. Пусть мелкие натуры, вознесенные наверх, бахвалятся тем, что досконально знают все тонкости, директор крупного предприятия не обязан вникать в особенности работы напильником или ножовкой по металлу, у него тысячи слесарей разных уровней и разрядов, его работа – вывести предприятие в передовые...

Зазвонил телефон, Юлия деловито сообщила о прибытии казачьего атамана Седых. Я быстро поднялся, сказал отрывисто:

– Пусть примет Власов.

– Так он же уехал!

– Нет, уедет вечером.

– А вы, шеф?

– Пойду проведу Диму Лысенко.

– Как скажете, – произнесла она со смешком в голосе. – Впрочем, Лысенко в этом случае просто необходим...

Я вышел в приемную, подмигнул, замечая, как она в самом деле хороша в этих огромных очках, в дивной кремовой блузке, с почти незаметной косметикой. Когда сворачивал в коридоре за угол, за поворотом уже грохотал бас казачьего атамана. Вообще-то казачество люблю, как вообще люблю вольных, гордых и независимых людей, но этот Седых слишком уж помешан на примате православия над всем и всеми, сам размашисто крестится на каждом шагу и от других ждет того же. А кто не крестится, тот даже не атеист или язычник, а сразу – жид пархатый или шпион с Запада, что, впрочем, для него одно и то же.

Вспомнилась омерзительная сцена в ресторане, испуганные лица посетителей. Как же, вдруг на них подумают, что они тоже любят русские песни! Или хотя бы признают их право на существование. Почему на свете нет более трусливого и стадного народа, чем русский?

На третьем этаже, в коридоре у окна, с сигаретами в зубах рассматривают на той стороне улицы сценки возле уличного писсуара Белович и Бронштейн. Я замедлил шаг, не люблю ловить на мелких проступках, а ведь мы, партия русских националистов, боремся за чистоту и здоровый образ жизни, как и любая национальная партия.

К ним с той стороны подходил Кобец, оба смотрели на него, меня не видели и потому сигареты не спрятали, как нашкодившие школьники. Кобец, тоже член нашей партии, хотя и

весьма независимый, язвительный такой старикан, из бывших диссидентов, теперь наполовину ярый коммунист, наполовину русский националист, хотя по фамилии и происхождению – украинец из западных. Впрочем, треть русских националистов почему-то с украинскими фамилиями.

Белович, морщась и поглядывая на Кобца, втолковывал Бронштейну:

– Вы путаете две разные вещи! Возвышенный русский менталитет в корне отличается от приземленного менталитета европейцев...

– Да какая хрень насчет менталитетов, – возражал Бронштейн. – Все мы люди, у всех все одинаково...

– Не у всех!

– Все от Адама и Евы...

– Ты мне ваши иудейские сказочки не пропихивай, не пропихивай!

– Ну тогда от одной обезьяны...

– От разных!

Они разгорячились, вклинился Кобец, сказал примирительно:

– Давайте внесу некоторую ясность, все-таки я из Центра стратегических исследований.

Итак, для западного менталитета главное – это достижение поставленной цели. Для восточного менталитета главное – это процесс достижения поставленной цели. Для русского менталитета главное – это постоянное обмывание процесса достижения поставленной цели.

Я остановился, молча пожал им руки. Кобец говорит очень серьезно, Белович врубался дольше всех, Бронштейн уже усмехается, здесь надо усмехнуться, чтобы показать, что все понял, не дурак, наконец и Белович понял, но не заулыбался, махнул в раздражении рукой:

– Вы из тех, кто доказывает, что у русских любой праздник – халявин?

Бронштейн сказал лучезарно:

– Что вы, зато я услышал кое-что о приоритетах, вам понравится! Говорят, любовь придумали именно русские, чтобы не платить женщинам!

Кобец сказал саркастически:

– Если на Востоке вы чувствуете себя европейцем, а на Западе – азиатом, значит, вы – русский! Это я к особому пути России. Ни тебе, ни мне, зато – поровну. Что значит – евразийцы мы.

– Насчет особого пути, – проговорил Бронштейн голосом школьного учителя, – говоря об особом пути России, народный интеллигент никогда не скажет: «у нас все делается через задницу», он просто скажет: «страна нетрадиционной ориентации».

Белович оскорбился:

– Ну уж и страна! Пока у нас не все еще демократы!

– А при чем тут демократы? – поинтересовался Кобец.

– А при том!

Бронштейн решил обидеться за демократов, спросил с нажимом:

– Нет, вы все-таки ответьте. Что вы всю педерастию на демократов вешаете? Демократия в России все еще в противозачаточном состоянии! Демократы пока еще ни за что не отвечают...

Белович сказал злорадно:

– Ну вот и проговорились, господин демократ! Вы, как всегда, судите всех и обо всем, а сами ни за что отвечать не желаете! А что сейчас в стране за бардак, как не демократия? Да при Сталине вы бы такое не брякали куда ни попадя! Строем бы ходили, вольтеры сранья!

Кобец сказал примирительно:

– Господа, господа!.. Или товарищи, хрен вас разберет. Вы чересчур разгорячились, как бы не совершили этот... как его... законодательный акт! Борис Борисович, как вам удастся работать с таким контингентом?

– Другого нет, – ответил я невесело. – Да и другой России нет.

По коридору неся с бумагами Файзуллин, начальник нашего транспортного отдела, увидел меня, обрадовался, я-де обещал подписать пару бумаг, нужно для связи с регионами, мы им поможем – они нам помогут, я черкнул, заметил, как косится на него Кобец. Все-таки Файзуллин – татарин, какого хрена, мол, ему делать в РНИ, это чисто русская организация. Должна быть чистота если не по крови, то по религии или языку, а татары все-таки в основном мусульмане... Правда, татары участвовали в создании Руси с самого начала, по крайней мере – Московской Руси, так что ладно уж, имеют некоторое право на представительство в РНИ и даже на руководящие посты меньшего ранга, это ладно, смолчим, но какого черта терпим Бронштейна, хотя бы фамилию сменил, гад, и не скрывается, пролез в наши ряды и разлагает изнутри!

Вообще-то Бронштейн не разлагает, если уж по-честному, а крепит, даже больше крепит, чем сам Кобец, то и дело затевающий дискуссии о чистоте крови, расы или предлагающий исключить из РНИ ту или другую группировку, где он их только находит. Бронштейн же относится к РНИ по-деловому, как к футбольной команде или бригаде строителей: чем больше сплоченности, тем больше и результатов.

В конце концов Кобец взял меня под локоток, отвел в сторону, пусть-де молодые смотрят на срам с писсуарами, сказал негромко, косясь по сторонам:

– Знаете, надо бы как-то ограничить Орлова. Это помощник у Лысенко, помните? Тихоней прикидывается. А в перспективе вообще исключить из рядов РНИ. Подобрать мотив и...

– Что случилось? – спросил я.

– Да все линия по матушке проступает... Вот вчера какое интервью «Уральскому вестнику» дал. Вы не слышали?

– Уже на моем столе.

– Вот-вот.

Я поморщился.

– Это всего лишь «Уральский вестник».

– Не скажите, – возразил Кобец. – У него огромный регион подписки!.. И не только одного Урала. Это как «Уральский следопыт», который читали по всему СССР. В этом «Вестнике» толковые ребята, сманить бы парочку сюда, у нас бы пресс-центр ожил бы. Словом, двусмысленное интервью. Кто знает, как читать, прочтет. А у нас все знают, еще с советских времен наловчились.

– Эти уже вымирают.

– Детей научить успели. Тем только скажи, сами вычитывают даже то, чего нет! А интервью дал очень умело. Вроде бы мы и орлы, и мощь за нашими плечами, и в то же время мы какая-то иррациональная сила.

Я подумал, буркнул:

– Но ведь это и хорошо? Народ любит иррациональное. Вот сколько в газетах объявлений всяких гадалок! А дурацкие гороскопы печатают даже в еженедельниках для коммерсантов! Указывают, в какие дни совершать сделки, а в какие – ходить по бабам.

Кобец скривился.

– Народ привык ходить строем, вот и жаждет указаний свыше. Сейчас свобода, иди куда хочу, а человеку спокойнее, когда его ведут. Он боится идти сам! А в толпе... пусть даже в стаде, ему надежнее. А когда стадо большое, оно становится стаей, это еще лучше. Нет, я бы на вашем месте избавился бы от ненадежного человека. А потом надо будет заняться и Бронштейном. Это ж куда годится: еврей в РНИ! Нас же на смех поднимают!

Я хотел напомнить, что не поднимают же, но с другой стороны – кто нас замечает? Вся наша партия не крупнее тех сотен и тысяч обществ, движений, партий, что плодятся, как мухи по весне, тысячами мрут и снова возрождаются уже в других телах.

– Бронштейн самую муторную работу тянет, – возразил я. – Какое отношение имеет его бухгалтерия к идеологии?

– Не скажите, – ответил Кобец сурово. – Не скажите, Борис Борисович! Теперь финансы – сердце современного мира. Нельзя, чтобы еврей держал в руках эти нити. Или хотя бы даже прикасался. Пора поставить вопрос о выводе Бронштейна сперва из Бюро, потом вообще из Президиума.

– Повод?

– Повод найдем, – пообещал Кобец. – Повод есть на каждого.

Редакторская двумя этажами ниже, в противоположном конце здания, это имела в виду Юлия, когда заметила, что Лысенко необходим, когда нужно скрыться от Седых. Ехидничает, подумал я. Раньше работала тихая, как мышка. То ли осмелела, то ли просто освоилась. Или уже после поездки в ресторан перестала смотреть на меня, как на великого и ужасного.

Подходя к редакторской, услышал раздраженные голоса. Судя по реву, Лысенко рвет и мечет, чувствуется, довели человека. Я не стал прислушиваться, дверь подалась без скрипа, открывая большую, заставленную мебелью комнату. На столах, кроме неизменных компьютеров, у кого их теперь нет, еще и кучи допотопных бумаг в пухлых, донельзя старых папках, это тоже понятно, редакция газеты – место обитания творческих личностей, а творческие не могут не засрать все бумажками.

Перед столом главного редактора с опущенной головой Гвоздев, верстальщик, а сам Лысенко, хоть и с другой стороны широкого стола, возвышается над Гвоздевым во весь рост, громадный, свирепый, как медведь гризли над бобром. Остальные сотрудники редакции, Светлана и Володя Крылан, лишь пригибают головы над столами, дабы не задела молния.

Я с порога заинтересовался мирно:

– Не помешал?... Дима, ты так нашего верстальщика глухим сделаешь!

Гвоздев посмотрел с надеждой, а Лысенко прорычал люто:

– Да я ему башку оторву! Посмотрите, что он читает, что читает!

Гвоздев сгорбился сильнее, теперь я заметил, что он прячет за спиной книжку.

– И что же читает? – осведомился я с интересом.

Лысенко рыкнул:

– Гвоздь, не прячь!

Гвоздев протянул мне книгу, в глазах виноватость, я взял с некоторой безгловостью, обычный ширпотреб, рассчитанный на старших школьников: таинственный рыцарь, замки и принцессы, клады, драконы, колдуны, борьба Добра и Зла, светлых Богов и Темных, светлые побеждают, все поют.

– Мог бы и получше найти, – сказал я с неодобрением. – С другой стороны, чего раскричался? Не порнуха, не извращения какие-нибудь... Не сатанизм, а все за Добро... За Добро?

Гвоздев вздрогнул, часто-часто закивал.

– Вот видишь, – сказал я Лысенко, – все-таки за Добро.

Лысенко прорычал еще злее:

– Борис Борисович, вы не врубаетесь, что ли? Он же читает западную книгу! Какой же, на хрен, патриот читает про западных героев? Есть же книги о наших русских богатырях, о наших героях, что побивали змеев, черномырд... тьфу, черномордов, тугаринов, соловьев-разбойников... Одного Кощея сто раз били и жизни лишали!

Я спросил безнадежно:

– А в самом деле, Володя, почему не читаешь про наших богатырей? Там тоже колдуны. И даже водяные... и другая нечисть.

Гвоздев вздохнул, помялся, переступил с ноги на ногу. Губы его зашевелились, я ничего не услышал, а Лысенко рявкнул:

– Говори громче!

– Уже читал, – промямлил Гвоздев, но глаза бегали, даже я ощутил, что привирает. Либо начинал и бросил, либо вообще не начинал. – Мало у нас книг про наше славное прошлое...

– Это еще не дает тебе права... – загремел Лысенко.

Я остановил его взмахом, спросил у Гвоздева:

– А это почему читаешь?

– Интересно, – ответил Гвоздев честно. Он сглотнул, пояснил чуть тише: – Нечисти намного больше, она всякая, разная. Да и рыцари интереснее, чем... ну, чем наши. И колдунов больше. Там эти... маги, а у нас их нет. Вовсе нет.

Лысенко задохнулся от гнева. Я отдал ему книжку, вышел, а следом в коридор хитренько выскользнула Светлана, за ней просочился и взъерошенный Крылан, явно сделал вид, что я их вызвал по крайне важному делу. Даже из-за плотно притворенной толстой и массивной, как в Сбербанке, двери слышен был грохочущий голос Лысенко.

– Уф, – выдохнула Светлана, – бедный Володька!

– Поделом, – буркнул я, – хотя, конечно, соблазн велик... А вы все – люди. Как среди кусков мяса выбираем самое сочное и без жил, так и среди книг покупаем самые читаемые.

– Володька не один, – согласился Крылан невесело. – Все, говоря о необходимости подъема интереса к нашему великому прошлому, все же читаем про рыцарей короля Артура! Что делать, их эпос намного лучше...

Светлана перебила рассерженно:

– Лучше?

– Я сказал, лучше и детальнее разработан. С тобой, Светлана, хорошо только дерьмо вместе есть, так как вперед всегда забегаешь! В артуровском цикле образы ярче, к тому же десятки авторов постоянно работают только над эпосом о том же короле и его рыцарях Круглого стола. В год не меньше пяти-шести новых романов, о короле Артуре фильмы, мультики, пьесы, баймы... А что у нас? Да ничего.

Она сказала язвительно:

– Нет читательского спроса, нет и предложений. Народ наш предпочитает читать о каменных замках и рыцарях, чем о деревянных крепостях и половцах, не так ли?

Крылан заметил:

– Да и разработан западный эпос, как я уже говорил, лучше. Гораздо легче строгать о рыцарях, чем о половцах. Скажи слово «рыцарь», и каждый видит перед собой этого рыцаря, пояснять не надо. А что такое печенег или половец – объяснять долго, да еще и рисовать образы, придумывать ситуации. А там только переставляй кубики с рыцарями, королями, феями, орками, гоблинами... О чем задумались, Борис Борисович?

Я тряхнул головой, в самом деле глубоко задумался, сказал с виноватой улыбкой:

– Да так... Если уж в цитадели русского национализма зачитываются иностранными книгами, то мы в самом деле в глубокой заднице. Вот для чего я тебя позвал, Светлана... Или это ты сама почувствовала? Хитрая ты. Ну ладно, чувствительная. Я имею в виду – как сотрудник, как боевой товарищ, ни на что другое не намекаю, не улыбайся хитренько! Надо менять что-то в газете. Слишком много лозунгов и прямых призывов, это уже не газета, а постоянно действующая агитка. Привлечь литераторов, карикатуристов! Смени формат.

Она перебила:

– Борис Борисович, главный редактор – Дима Лысенко!

Я отмахнулся.

– Он теперь слишком погряз в предвыборной борьбе, старается попасть в депутаты городской Думы. А газета вся на тебе, ты же знаешь. Да она и была на тебе. Если пролезет в Думу... а мы ему поможем, то газета на тебе целиком.

Она не успела ответить, в моем нагрудном кармане зазвенел телефон. Я извинился взглядом, вытащил, отщелкнул крышку.

– Аллю!

Донесся слабый голос с характерным акцентом, я выслушал цветистое приветствие, воскликнул:

– Бадри, рад тебя слышать!.. Ты где?

– ...из Махачкалы, – донесся голос. – Боря, узнай, пожалуйста, какие справки нужны в английском посольстве. Моя дочь получила приглашение из университета на стажировку...

– Все сделаю, – торопливо заверил я, обрывая на полуслове, ибо Бадрутдин живет небогато, такой звонок в Москву серьезно подорвет его бюджет. – Сегодня же узнаю, перезвоню. Телефон не поменялся, вижу!

– Нет, Боря...

– Привет Розэ и Аиде, поклон родным, перезвоню!

Я оборвал связь, объяснил Светлане и Крылану:

– Старый друг, учились в Москве вместе в универе. Надо будет помочь... Прекрасное было время! Сколько нас было, все национальности, все народности... Как-то, помню, Хота Джурнидзе, товарищ по комнате, признался, что ненавидит армян. Я поинтересовался, за что, он объяснил, что во время татаро-монгольского нашествия армяне ударили грузинам в спину и отхватили часть территории. Знаете ли, я сперва на него так посмотрел, как вот сейчас смотрите вы, готовый заржать над шуточкой. Оказалось, говорит серьезно! С блеском в глазах и надрывом в голосе. Представляете, какая долгая память? Это же надо жить такой общей жизнью с родиной, чтобы оставаться частицей вечной Грузии, помнить все, знать радости, достижения и обиды, жить ее жизнью!

– А сейчас? – спросил Крылан.

– Сейчас, когда повзрослел, смотрю на это с тем же пониманием, однако... однако что же делать с этим Бадри? Бадрутдин Магомедов, прекрасный поэт и прекрасный человек, однако он – кумык...

Крылан спросил с недоумением:

– А что это за профессия?

Светлана подсказала с презрением:

– Глупый, это не профессия, это специальность.

Я покачал головой.

– Вот, даже вы, такие умники, не знаете. Есть такая ма-а-а-хоньякая страна по имени Дагестан. Во всем Дагестане населения меньше, чем на иной московской улице. Или пермской. Но в Дагестане больше ста народов и народностей, у каждого – свой язык, свои имена, своя культура. Некоторые народы... или нации?... настолько малы, что не могут набрать даже одного аула: на одном конце живут люди одного народа, на другом – другого. И ни те, ни другие не понимают языка друг друга, отличаются один от другого больше, чем шведский от вьетнамского. Однако же все держатся своего языка. Своей культуры. Хорошо это или плохо?

– Хорошо, – ответил Крылан убежденно. Подумал, добавил уже с сомнением: – По крайней мере, это достойно.

– Хорошо, – сказала и Светлана с сомнением на градус выше, вздохнула: – Но они обречены. Во-первых, всем пришлось выучить русский, чтобы общаться друг с другом. Во-вторых, все равно малым культурам не выжить. В-третьих, думаю, все-таки несправедливо вот так быть жестко привязанным... И что же, если кумык, то должен говорить и писать только по-кумыкски?

– Говорит он и по-русски, – объяснил я, – но вот стихи пишет только по-кумыкски. Хотя, предваряю следующий вопрос, мужик очень талантлив. Образован, умен, даже мудр, мог бы

покорить вершины и на русском или английском. Но, как считает, это будет предательством его малой родины. Она же и большая.

Наступило долгое молчание, очень непростое, оба понимают, что дело не в Бадрутдине, как его там, и не так уж и важно, сколько кумыков, а сколько русских, но насколько человек должен быть привязан к языку и культуре, насколько не имеет права выбиваться из этой культуры? И почему не имеет?

Крылан сказал в затруднении:

– Тут еще один вопрос... В этом случае культура должна быть замкнутой. В нее ничто не должно привноситься из других культур. То есть не должно происходить взаимообогащения. Кумыкам нельзя не только что Интернет, даже телевизор нельзя, а то как кусок сахара в кипятке...

Светлана перебила язвительно:

– Да вот пока что не растворились!

– Ну как сахар в холодной воде, – уступил Крылан. – Чего к словам цепляешься? Должны мы, ограничивая себя, оставаться в тесных рамках своей культуры или же, имея перед глазами богатства других культур, имеем право брать и тащить к себе все, что нам подходит? Раньше, насколько понимаю, выбора не было: двести лет назад кумыки вообще не знали о существовании других стран и народов. Потому не было и проблемы выбора. А вот сейчас...

Он обращался ко мне, Светлана все втискивалась между нами грудью, обращая внимание на себя и свои данные, вскидывала брови, хмыкала, а когда заговорила, голос был переполнен недоверием и подозрением:

– И еще прошу обратить внимание на некие силы... да-да, те самые, которым выгодно. Одним выгодно удержать нас в рамках одной культуры, одного языка, одной страны и четких границ, другим же выгодно все это размыть!

Мы замолчали, соображая, кому же это выгодно, Крылан проворчал:

– Знаете, когда один держит меня взаперти, объясняя моей же безопасностью, а другой сбивает с двери замок, то мне второй как-то симпатичнее. Я ведь могу и не уйти, но пусть дверь будет открыта. И я бы не сказал, что Запад нас давит... ведь о Западе же говорим, давайте не переводить на кумыков!.. Запад завоевывает не только порнухой, секс-шопами и дебильными шоу. Так завоевали бы одних придурков. Да, придурков в любой стране больше, чем воробьев, но все-таки Интернет, компьютеры, телевизоры, автомобили и все-все, чем пользуемся в быту, создано в Штатах.

– К сожалению, – вставила Светлана.

– К сожалению, – согласился он. – Но все-таки Интернет и компьютеры они нам не навязывали. Мы сами ухватили.

– С порнухой в придачу!

Он посмотрел на нее, вздохнул и умолк. Я молча договорил за него то, что Крылан, возможно, даже не сформулировал для себя: человека нельзя привязывать вот так жестко к одному народу, одному клану, одному языку или культуре. Это новая мысль, она выглядит кощунственной, это же предательство... если взглянуть глазами полян, древлян или даже москвитов, что новгородцев и тверичей за людей не считали.

– Ладно, – сказал я, – займитесь газетой всерьез. Слишком долго мы находились в спячке, надо просыпаться.

Крылан сказал невинно:

– Да и к выборам пора...

Светлана хмыкнула, всем надоели шуточки насчет выборов. Понятно же, что нам не удастся пропихнуть или протащить в Государственную думу ни одного кандидата. Хотя, конечно, сочувствующих нашей партии немало, однако же сочувствующие даже в самых низах предпочитают помалкивать, а те, кто в верхах, даже страшатся подумать, что мы, русские наци-

оналисты, правы. Хотя подумывать подумывают, конечно, но не признаются даже близким. Чревато.

Вдоль коридора прокатился могучий голос сильного уверенного в себе человека:

– Дорогой Борис Борисович, а я вас разыскиваю!

ГЛАВА 10

Я стиснул зубы, надел на лицо радостную улыбку и повернулся к Седых. Маленькое у нас здание, не спрятаться, да и заместителей всего двое, в то время как у лидеров других партий, даже незначительных, по три-пять, каждый курирует массу своих вопросов. А мы, пожалуй, самые незначительные, хотя только мы отстаиваем интересы русского населения в России, а также напоминаем про наши интересы за рубежом.

Седых сердечно обнял меня, целоваться не стал, знает мою брезгливость, отстранился и еще некоторое время держал за плечи, всматриваясь прищуренными и слегка раскосыми глазами, как у всех русских, долго проживших на Дальнем Востоке, Алтае, подхвативших «китайскость» от местного населения. От него пахнет лесом и той свежестью, какую чувствуешь, только полизав палочку с муравьиной кислотой.

Конечно же, в полной казачьей форме, хотя никогда не бывал в землях, где селятся казаки, будь это Дон, Дальний Восток, Сибирь или, упаси Господи, Терек. Однако на казачью форму право имеет: на казачьем слете в Донском войске по случаю праздника в почетные казаки приняли пятерых особо отличившихся на защите чести и достоинства казачества деятелей, в том числе и Седых. С того дня появлялся в мундире казачьего офицера сперва по торжественным случаям, потом эта форма стала для него повседневной.

Седых перестал горбиться, плечи держит прямыми, смотрит не исподлобья, а в упор, благо рост позволяет, вообще в фигуре кабинетного человека появилась некая молодцеватость, подтянутость, словно реализуются мальчишеские мечты о всяких там пиратах, мушкетерах и рыцарях. Украинское казачество, кстати, от которого и пошли все остальные казачества России, так и называло себя «рыцарство», по-украински «лыцарством», а себя – «лыцарями».

Седых же подходит к облику дальневосточного казака и статью, и особым дальневосточным лицом, где в особенностях китайская узкоглазость и скуластость, даже сибирско-восточной фамилией, и, конечно же, острым чувством общности с другими, патриотизмом, что как раз присуще всем народам, живущим на переднем крае. А казаки, как и курды или чеченцы, с этой точки зрения – отдельный от русских народ.

Светлану чмокнул в щеку, Крылану крепко пожал руку, поинтересовался:

– Куда направляемся?

– К Власову, – сказал я. – На редакционный совет.

– Собрались? – удивился он. – В кои-то веки!

– Пойдем, – пригласил я, нельзя не позвать. – Скажешь свое веское слово.

– Спасибо, – ответил он очень серьезно, – мне в самом деле есть что сказать. Веское слово амурского казака!

– И забайкальского, – поддержал Крылан очень серьезно. – И урюпинского.

Седых метнул на него сердитый взгляд, но смолчал, ибо в Урюпинске в старые времена в самом деле поселились казаки, объявили себя отдельным казачеством, против истины не попершь.

– Погодите, – сказал я, – загляну к Юлии.

Все трое за моей спиной тут же вытащили сигареты, штатовские, понятно, отодвинулись к открытому окну и задымили, никак не введу антитабачный закон. Помогут разве что меры Ивана Третьего: рвать ноздри, клеймо на лоб, бить кнутом и – в Сибирь. Или голову с трубкой во рту на кол, как поступали в Турции.

У Юлии двое районных активистов, явно ждут руководство, досаждают ей простенькими любезностями. Меня не заметили, я знаками показал, чтобы либо сама все, либо переадресовала к кому-нибудь ниже рангом. Это покажется смешным, но ежедневно приходится отмахиваться от кучи дел, которые легко решат помощники, однако же почему-то все прутся именно

ко мне, уверенные, что их мелкие заботы нужно решать на самом вершине. И хотя у меня вершине не бог весть какой, РНИ – партия крошечная, у нас всего около семи тысяч членов по всей России, но все-таки я должен смотреть и по сторонам, а не только под ноги.

Знаками я объяснил Юлии, что если кому понадобится, то у Власова. Она понимающе улыбнулась, но так, чтобы активисты думали, что это им так рада, что даже глаза заискрились.

Я так же тихонько прикрыл дверь, уже на лестнице услышал сзади бодрый топот, это Лукьян, мой зам по связям с общественностью, человек незаменимый, я с прессой общаться не люблю, что и понятно, это демократы из кожи лезут, только бы на экране жвачника помелькаться. Лукьян доволен, как американец, отхвативший крупный заказ, рот до ушей, еще издали вскричал ликующе:

– Ах вот вы, Борис Борисович, где! Мы с Лукошиным все бордели обыскали, а вы все в песочнице копаетесь!

Услышав его ликующий голос, Седых со Светланой эффектными щелчками отправили горящие сигареты в окно на улицу и пошли к нам, Крылан не пожелал расстаться с куревом, остался высказывать гражданский протест. Да так, вообще протест. Против всего.

Седых, показывая, что понимает шутки, посмотрел на меня сверху вниз с выражением глубокого соболезнования.

– А чего искали? – спросил я сварливо. – Хотите пригласить на пиво?

– Хорошие новости! – сказал Лукьян громко. – Не можем не поделиться. У нас есть все шансы упрочить свое положение. А то и поправить!.. Вон Лукошин принес результаты опроса населения по поводу отношения к правительству: послать на ... пятьдесят семь процентов, послать к ... восемнадцать процентов, послать в ... десять, не определились, куда послать, – пятнадцать процентов.

– Не патриот вы, – сказал я. – Что хорошего, когда правительство посылают?

– Нам хорошо! – ответил он.

– А стране плохо. Ладно, уже вижу, не дадите пообщаться с заслуженным казаком, героем конных схваток за барана... Да и с красивой женщиной...

Лукьян оглядел их с головы до ног.

– Все еще герой? И все еще красивая женщина? А я думал, что это депутаты! Народные избранники, так сказать, не в обиду будь сказано.

Светлана сделала вид, что обиделась так натурально, что я подумал, а ведь сравнение с депутатом ее в самом деле задело. Как-то в нашем представлении не вяжутся эти два понятия: «женщина» и «депутат». Да еще и «красивая женщина»!

– Ладно, – сказала она сухо, – я пойду, не буду мешать вашим наполеоновским планам. Но вам, Борис Борисович, я еще припомню...

– Что? – спросил я с тревогой.

– Что вы только собирались со мной пообщаться.

Седых с удовольствием поглядел ей вслед, есть на что поглядеть, вздохнул:

– Главное, не курить...

Из-под двери в зал, так мы называем самую большую комнату, пробивается свет. Вообще-то сейчас день, но первый этаж и деревья перед окном делают свое дело, даже в солнечный день во всех комнатах, выходящих во двор, приходится зажигать свет.

Я как-то был в офисе партии «Голос демократии», не самой крупной, а так – средней партии, так у них особняк четыре этажа и с двумя пристройками, не считая двух этажей под землей, плюс двор с футбольное поле для стоянки машин. У нас же домик хоть и тоже на четыре этажа, но маленький, ютимся по комнатам, а самую большую, я уже упоминал, гордо именуем залом, вмещает немного народа. Ее используем для собраний, планерок, совещаний или, как в данном случае, для сбора членов редакционного совета.

Каждая партия, движение, объединение или союз нуждается в информационном бюллетене, а тот со временем перерастает в газету. Некоторые амбициозные партии сразу начинают с газеты, но в любом случае она, будучи вспомогательным инструментом, вскоре начинает играть практически первую скрипку. Повторяется та же история, что и вообще с прессой, получившей просто необъятную власть в стране.

Я сам постоянно выступаю в газете с разъяснением нашей деятельности, наших целей, наших идей. Это гораздо удобнее, чем на митинге: здесь я могу отграничить слова, отобрать наиболее яркие, да и читающий не напрягается, как на митинге, где не все расслышишь, мегафон хрипит и рычит. В газете выступают и другие деятели, которых удалось привлечь к сотрудничеству, так что газета постепенно стала тем ядром, вокруг которого тусуется наша партия.

Еще открывая дверь, ощутил, как ноздри защекотал табачный дым. В помещении жарко, накурено, голоса жужжат, как огромные рассерженные шмели. В комнате толпа, я окинул всех взглядом, понятно, выпала редкая возможность застать всю редакционную коллегию разом. Обычно заскакивают по одному в свободное время, выкраивая полчаса-час, но Лысенко предложил изменить не только дизайн газеты, но и форму подачи материалов. Я на крутые перемены не решался, предложил собрать редколлегию, и вот наконец почти все ее члены здесь, не сумел выбраться только Ульев, писатель и философ, в прошлом диссидент, после падения Советской власти ставший коммунистом, а сейчас вообще зачеловек: выступает с идеей полной перделки генома человека.

Я перевел дыхание, в груди затеплилась надежда. Здесь – самые чистые, самые благородные. Не убежавшие за рубеж в поисках длинного рубля или, как эти подонки говорят высокопарно: «для полнейшей реализации своих творческих возможностей», а пытающиеся вытянуть и весь народ из дерьма, в котором тот по самые ноздри.

Ротмистров – доктор наук, математик номер один в мире, автор уникальнейших работ, которые подняли математику сразу не на ступеньку-другую, а на целый этаж, Ольхин – академик, лауреат Нобелевской премии, создатель принципиально новой технологии, даже целой науки о строении земного ядра.

Левакин – доктор наук, разностороннейший человек, автор сотни изобретений по самым невероятным отраслям знаний, в том числе в области таких технологий, что ну никак не состыкуются, как, скажем, игра на скрипке и занятие боксом, но Левакин именно тот человек, что изобретения и открытия выдает с легкостью везде, куда сует любопытный нос. Правда, с последней чередой «открытий» его явно занесло, ибо, к своему несчастью, наткнулся на проблемы с древнейшей историей русов, а это такая каша...

И, конечно же, Дятлов – талантливейший писатель, семь последних лет его выдвигают в кандидаты на Нобелевскую премию, но всякий раз премию присуждают кому-нибудь другому, а Дятлову отказывают по причине его... «неприверженности общечеловеческим принципам». Как будто речь о премии за политику, а не по литературе! Впрочем, инициатор отказа – все та же группа, что настояла счесть «неправильным» опрос газеты «Таймс»: кто является человеком тысячелетия, и когда абсолютное большинство назвало человеком тысячелетия Адольфа Гитлера, разразился скандал, и устроители опроса тут же заявили, что мнение народа мнением народа, но пошло оно в жопу со своим мнением, а мы вот, группа опрашивающих, считаем человеком тысячелетия Эйнштейна, а как мы считаем, так и запишем! И записали. Так же точно и Дятлова всякий раз отодвигали, давая премию попеременно то американцам, то неграм из Зимбабве, Катманду, Заира, туземцам Южной Кореи...

По-моему, Дятлов совершенно не верит в наше дело, но продолжает работать из упрямства и чувства долга. Из ощущения, что любой порядочный человек обязан бороться против надвигающейся Тьмы, хотя и понимает, что все равно наступит, поглотит, убьет, однако он своим сопротивлением хоть на день или час отсрочит приход Тьмы, а за это время, может быть, вдруг там, в тылу, что-то да произойдет, вдруг да Россия как-то да проснется, встряхнется,

снова явит изумленному и неприятно пораженному миру чудо выживания, поднимется, как уже бывало, яко Феникс из пепла?

Во всяком случае, его любимый тост звучит грустно-иронически: «Так выпьем же за успех нашего безнадежного дела!»

Ротмистров расположился за столом Лысенко как в противотанковом дзоте, с двух сторон массивные ящики компьютера, на них сверху металлические коробки, папки с бумагами, а он сам выглядывает в щель, готовый в любой момент нырнуть под стол, уклоняясь от пули.

Лысенко, что в присутствии нобелевских лауреатов становится тише воды ниже травы и вообще теряет голос, как робкий зайчик, примостил все сто двадцать килограммов накачанного мяса на табуреточке в уголке, жадно вникает светилам, а сам почтительно молчит в тряпочку.

– Слава России! – поприветствовал я, ибо к Ротмистрову обращаться можно только так, другого не примет, заподозрит шпиона. – Что новенького?

– России слава, – ответил он торжественно. Встал, то ли при слове «Россия», то ли чтобы пожать мне руку, крепко, по-мужски, выказывая в рукопожатии силу, твердость нордического характера и решимость давать отпор. – Есть новенькое, есть... События нарастают стремительно, мир меняется с такой скоростью, что я просто уж и не знаю!

Я обошел стол, заглянул в экран. У Лысенко самый широкий из существующих, во всем РНИ таких только два, второй, естественно, у меня: Ротмистров и настоял: нельзя, дескать, чтобы у главы партии был меньших размеров, чем у продвинутого баймера.

На экране проплывают кадры, снятые с самолета или со спутника: далекая серая гладь океана, крохотные остромордые кораблики, одни выдвинулись далеко вперед, но основная масса окружила два тупорылых авианосца. Отчетливо видны на палубе готовые к взлету истребители-перехватчики.

– И еще двенадцать подводных лодок, – сообщил Ротмистров. – Ударная группа их знаменитого Седьмого флота...

– Печально знаменитого, – проронил я, вспомнив, как его встретили в Персидском заливе.

– И все равно, – сказал Ротмистров зло, – это их самый мощный флот и самый... боеспособный. Проверенный! Они послали в Индийский океан весь Седьмой целиком, добавив еще один авианосец в дополнение к двум уже имеющимся.

– И что это даст?

– То, что их эскадра не просто неуязвима, но и держит под прицелом весь регион. Даже без спутников только средствами наблюдения с авианосцев видят не только что у нас на берегу, но и пересчитывают медяки в карманах. Индия в последние годы усиленно развивала свой флот, у нее тоже есть авианосец, множество подводных лодок, но им не по силам вытеснить американцев из своего же Индийского океана!

Он говорил горячо, вскипая прямо на глазах. Я спросил понимающе:

– Есть соблазн помочь индийцам?

– Есть, – признался он. – Еще как бы помог!

Я кивнул:

– Естественное чувство каждого здорового человека.

– Американцы, – сказал он, – с помощью авианосцев контролируют целиком и полностью территорию в радиусе двух тысяч километров! А это значит, большая часть океана у них постоянно под прицелом. Учти еще корректировку со спутников, флот может сдвигаться в любую точку заранее, если сообщат о выходе из портов эскадры русских, китайских или индийских кораблей... Это значит фактически, что этот Седьмой флот сразу же водружает американский флаг всюду, где появляется! По праву силы.

Он улыбнулся с таким удовлетворением, что я невольно удивился:

– Чему радуешься?

– Юсовцев возненавидят еще больше, – сказал он с чувством.

– А-а-а, разве что так...

– Сильных всегда ненавидят, – пояснил он, словно я нуждаюсь в таких пояснениях. – Как сказал дедушка Крылов: у сильного всегда бессильный виноват? Так вот, все страны в пределах достигаемости крылатых ракет американских кораблей чувствуют себя ягненками. И потому ненавидят юсовцев все больше. Это хорошо, хорошо...

Американцы, мелькнула мысль, сейчас расплачиваются за свои победы. Россия не может простить унижения, Япония не забывает про Хиросиму и Нагасаки, Европа скрипит зубами из-за жалкой роли девочки на побегушках, исламский мир бурлит и мечтает стереть с лица Земли заокеанскую Империю Зла, Китай копит силы и уже начал создавать армию нового поколения, многочисленную и оснащенную по последнему слову техники... да что там Китай, если даже некогда мирная Индия, родина джавахарлизма с его пассивным сопротивлением, уже спешно спускает со ступеней новые авианосцы, вооружает крылатые ракеты ядерными боеголовками! Про Пакистан вообще лучше смолчать...

Отступление России с позиций сверхдержавы вроде бы освободило путь Америке к мировому господству, однако если раньше две трети населения Земли пугались образа красного казака с оскаленными зубами и атомной бомбой в руке, то теперь, чуточку успокоившись, вдруг увидели, что уже нет Америки – защитницы всех-всех, а есть Америка – ковбой с оскаленными зубами и атомной бомбой в руке!

Странно, раньше всякое упоминание о поражении Америки радовало, у меня же нормальная человеческая психика, но со временем то ли поистерлось, то ли пришло отрезвление: Америка встречает все более упорное сопротивление на пути к мировому господству, это хорошо, но что в этой ситуации делать нам, России? Хорошо это нам или плохо? Что приятно душе, так сказать, это понятно, а вот хорошо или плохо – вопрос другой. Пока нормальное население занято проблемами на уровне писсуаров, мы, националисты, должны первыми увидеть новые возможности для русских, для России, даже для россиян, хрен знает, что это такое...

Россия и Америка недавно сумели договориться о демонтаже межконтинентальных ракет, большую часть вообще уничтожили. Однако за это время появилась новая опасность, к которой Америка оказалась не готова. Занятая перетягиванием каната с СССР, совершенно упустила из виду, что уже есть мало уступающие по мощности советским баллистические ракеты Индии, Пакистана, Китая, Франции, Ирана... Нет, не совершенно упустили, знали, конечно, однако полагали, что главное – додавить соперника номер один, СССР, а остальные – ерунда. Во-первых, не так уж и сильны, во-вторых, между собой передерутся.

Но если в первом были правы, то во втором просчитались. Они и передрались бы между собой, если бы Америка продолжала тягаться с СССР, но теперь выяснилось, что СССР нет, Америка же претендует на мировое господство!.. И вчерашние противники объединились против мирового жандарма. Нет, объединились – слишком сильно, однако и без объединения начали выстраивать оборону, временами переходя в контрнаступление так слаженно, словно в самом деле заключили между собой секретное соглашение.

Даже Англия и та начала выражать недовольство американской политикой. Конечно, от такого легкого недовольства очень далеко до конфронтации, но все равно как-то с холодком вспоминается, что у Англии есть свои межконтинентальные баллистические, есть ядерное оружие, а их корабли нередко ходят в составе американского флота...

Ольхин помалкивал, наблюдая за моим лицом, а когда я вздохнул и повернулся к нему, напомнил:

– Они еще могут заставить Иран отказаться от ядерного оружия! Могут принудить Пакистан порезать свои ракеты...

– Сомневаюсь, – сказал я.

– Почему?

– Индия, – ответил я лаконично.

– Ну и что? А если Индию наклонить тоже?

– Одновременно с Пакистаном?

– У Штатов хватит и силы, и аргументов.

– И денег, – добавил я.

– И денег, – согласился Ольхин. – Деньги играют в нашем мире немалую роль, верно? Штаты могут пообещать взять всю защиту от нападения на себя, плюс бросить несколько миллиардов... ладно, несколько десятков миллиардов долларов на какую-нибудь помощь. Плотину построить или конфет сиротам закупить.

– Такое не сработает с Китаем...

Ольхин подумал, поправил галстук, кивнул.

– Да. Китайцы, как ни странно, нация гордая. Это нам кажется, что если постоянно улыбаются и кланяются, то это признак слабости. Просто у них другие мерки. И только свои мерки они считают верными.

Я вздохнул, Ольхин вскинул брови, в глазах вопрос.

– Вы забыли про Японию, – произнес я.

Он сдвинул плечами, улыбнулся и промолчал, за него веско, словно бросал на весы чугунные гири, ответил Ротмистров:

– Япония, по сути, уже не нужна Штатам. Это раньше была крайне необходима, надо же было разместить там крупнейшие военные базы и постоянно угрожать русским... да и красному Китаю, Корее! А сейчас? Русский медведь повержен, американский военный флот стоит на Окинаве в бездействии. Моряки расслабились, не видя угрозы, а японцы в то же время постоянно наращивают свою мощь. Они стали для Штатов сперва досадными конкурентами, потом – опасными конкурентами, а сейчас переходят в стаз вообще опасных противников из-за быстро растущей технологической мощи.

Левакин и Дятлов переговаривались тихими голосами, не участвуя в разговоре, наконец Дятлов заметил мягко:

– Штаты вырастили монстра на свою голову. Запретив Японии иметь армию, они тем самым позволили японцам все бросить на экономику, промышленность, высокие технологии. У самих четверть национального дохода уходила на армию, а японцы не истратили ни копейки! Вот и обогнали в экономике, что понятно...

– Еще не обогнали.

– Обгоняют, – поправился Дятлов. – Пусть даже просто догоняют. Но когда у Штатов столько противников, то для них и Япония крайне опасна. Ведь приходится держать флот у берегов Индии, на виду у России, в Персидском заливе, а кроме того – отправлять сухопутные войска в Ирак, Сирию... Так что японцы начинают противиться Штатам все чаще. А сейчас вообще вступили с ними в торговую войну.

Ротмистров сказал предостерегающе:

– Не они! Штаты их принудили, как и в прошлый раз. Во Вторую мировую.

– Да, простите, – поправился Дятлов. – Штаты выставили новые торговые барьеры на пути японских товаров, а для страны, что вынуждена покупать не только нефть, но даже руду, это вообще – перекрыть кислород. Так что это не просто торговая война. Это уже настоящая война. Сейчас «настоящая» – не обязательно налеты самолетов, бомбежки, танковые атаки. В инфовойне был сломлен СССР, а торговой можно задушить любую страну. Легче всего – Японию. Когда-то Япония пришла на американский рынок со своими дешевыми товарами и научила американцев строить автомобили по-новому. Вообще американцы многое узнали от японцев... Но сейчас они все могут производить у себя в Америке, а что не производят – заку-

пят в Сингапуре, Гонконге, Малайзии, Китае, Корее. Там вся бытовая электроника, фотоаппараты, компьютеры...

Оглянулись на Левакина, он у нас главный спец по электронике, но тот в задумчивости рассматривал новые варианты верстки газеты, не слушал, и Ротмистров сказал хмуро:

– Американцы недопонимают... Да-да, недопоняли джапов. Неужели думают, что те вот так согласятся умереть?

– Видимо, кто-то им внушил такую мысль.

– Восток – дело тонкое, – вздохнул Дятлов. – Мы сами малость Восток, так что я понимаю японцев. Лучше помереть со славой, чем жить в бесчестье.

– Тем более что не жить, а медленно умирать, – сказал Ротмистров.

Я посматривал на лица, все воодушевились, глаза блестят, Седых вообще выпятил грудь, рука на рукояти кинжала: казакам наконец-то разрешили их ношение, «если входят в состав национального костюма». Ротмистров взглянул на меня, морда веселая, подмигнул:

– Хорошие у нас новости?

– Прекрасные, – пробормотал я.

– Юсовцам собьют рога, – подытожил Дятлов. – Это им не Югославию бомбить!

Я улыбался, все ж лыбятса, старался ощутить хотя бы малую радость, вроде бы и есть, как яркая блеска на фоне надвигающейся грозовой тучи, но в то же время всего лишь блеска...

Что радость – понятно, здоровое примитивное ликование жлоба: ура, у соседа коровадохнет, но грозовая туча... чувствую, сведет всю радость на нет. И, хуже всего, как-то связана с соседской коровой. Как будто бы намного легче и лучше, если у соседа корова уцелеет.

Даже если это штатовская корова.

ГЛАВА 11

Хлопнула дверь, ввалился Вадим Игнатьев, программист, спец по железу, начиная от компьютеров и заканчивая нашими автомобилями. Крупный, веселый, жизнерадостный, ярый антисемит, что не мешает ему дружить с Бронштейном, быть женатым на еврейке и даже ездить к ее родне в Израиль, славянофил и знаток древнерусского оружия, принимает участие в костюмированных сражениях на тему славянского воинского искусства. Я однажды побывал на одном, долго плевался и зарекся на будущее: восемьдесят процентов участников щеголяли в рыцарских доспехах и жаждали участвовать в сражении на стороне псов-рыцарей, в то время как в войско Александра Невского не удавалось набрать больше десятка... Вообще от обилия западноевропейского рыцарства и белых плащей с красными крестами рябило в глазах, наши ратники выглядели сиротами на своей же земле.

– Слава России! – провозгласил он торжественно.

– России слава, – ответили мы, Вадим, как и Ротмистров, к этому относится очень серьезно, а если кто уклоняется или пренебрегает ритуалами, сразу в его глазах становится предателем.

Лысенко наконец осмелился раскрыть рот, поинтересовался тихо:

– Что еще нарыл?

– Да я только с Горбушки, – сообщил Игнатьев, – хорошую маму прикупил, видеокарты вышли новые... А по теме я наскидывал файлы в отдельную папку.

– Где она, – спросил Лысенко сердито, – я не видел!

– Она в скрытых, – сказал Вадим с ехидной улыбочкой. – Чтобы не исчезла ненароком.

Лысенко засопел, никто не любит напоминаний о промахах. Однажды он, уже устав к концу рабочего дня, нечаянно смахнул нужную папку, посчитав ее дублем. А потом почистил корзину, в которую обычно не заглядывал месяцами. Но и тогда можно бы восстановить, однако он записал сверху массив новых данных, а уходя на обед, выключил комп, «чтобы не нагрел воздух». После обеда начал искать нужные документы.

Вадим сунул диск в щель, чуть развернул экран, чтобы видно всем, дождался, пока откроет, и быстро отыскал нужный файл:

– Смотрите! Вот динамика демографических процессов. Как вам это нравится? Ну, что русские вымирают – говорить не буду, знаете. Казалось бы, что может быть хуже? Оказывается, может. Так бы они, то есть мы, вымирали, может быть, медленнее, но когда рядом появляются злые энергичные соседи... гм... Что китайцев уже девять миллионов, знаете?..

Я кивнул, буркнул:

– Уже сообщили. Как что хорошее, так забудут, а как пакость...

Вадим зыркнул в мою сторону ревниво, повел курсором ниже:

– Смотрите, армян три с половиной миллиона, из них в Краснодарском крае – девятьсот тысяч, а в Москве и Московской области – два миллиона сто тысяч... Каково? А сколько народу в самой Армении, знаете?.. Идем дальше... народов Дагестана в Москве и Московской области – два с четвертью миллиона, а в самом Дагестане – всего миллион. Круто?.. Азербайджанцев в России живет четыре миллиона, из них три – в Москве!

Настроение мое портилось быстрее, чем курсор соскальзывал со строчки на строчку, Дятлов посмотрел на меня быстро и сказал натужно бодрым голосом:

– Ну, мы еще не в такой глубокой заднице, как Европа!.. Был я в Англии, там в Лондоне шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на негра!.. Да что там в Лондоне, в самых дальних деревушках и городишках полно негров, арабов, индейцев...

– Индийцев, – переспросил Вадим, – индусов то есть?

– Не один хрен? – отмахнулся Дятлов. – Все одно – низшая раса. А мы – белая, высшая. А в Германии? Как-то пришлось по работе в Берлин, Дрезден, Гамбург – везде негры, турки, курды... У нас хоть с этим еще терпимо. Москву можно пройти из конца в конец, негра не встретишь.

– У нас в Северном Бутове целая семья, – запротестовал Вадим. – Такой свинятник развели!

– Я не говорю, что совсем нет! Просто можно пройти и не встретить. А в Европе на каждом шагу.

– Зато у нас полно черножопых!

– Да, – согласился Дятлов, – черножопых полно. Шагу не ступить. Ну Москва еще ладно, а вот то, что они расползаются по всей России, захватывают целые регионы – хреново. Вот у тебя здесь что за дикие цифры? Неужели в самом деле пора идти за веревкой и мылом? Это откуда?

– Официальные данные! – ответил Вадим обидчиво. – Зайди на сайт Российского статистического центра. Все в открытом доступе. Просто я выдрал данные без сопровождающих таблиц и графиков. Но если надо, вот ссылка.

– Не надо, – ответил Дятлов мрачно. – Верю, хоть и не хочется. Это же надо: кабардинцы – шестьсот восемьдесят тысяч в России, а в самой Кабардино-Балкарии – двести пятьдесят тысяч!.. Им что, здесь медом намазано?

– Видать, намазано, – согласился Вадим зло. – С осетинами та же картина: шестьсот семьдесят тысяч переселилось в Россию, а в самой Северной Осетии осталось только сто девяносто тысяч человек! Ингушей в России – триста восемьдесят три тысячи, а в самой Ингушетии – сто двадцать тысяч человек! Да и то надолго ли?

Дятлов ткнул пальцем в экран, оставив мутное пятнышко:

– А вот те вьетнамцы... Ну скажите, зачем нам три миллиона вьетнамцев?..

– Это сейчас три миллиона, – сказал Вадим.

– Да, в следующую перепись их будет десять, если не тридцать, – согласился Дятлов. – Что скажете, Борис Борисович?

Все повернулись ко мне, я чувствовал их требовательно-вопрошающие взоры, ответил с натугой, чувствуя, как голос от напряжения садится:

– До следующей переписи еще дожить надо.

Заурядная отмазка получилась зловещей, я сам ощутил в ней недобрый подтекст. А в самом деле, перепись проводят через каждые пятнадцать лет, а сейчас ускоряется не только гонка технологий: исторические процессы, дремавшие тысячи лет, вдруг проснулись и понеслись галопом.

Чтобы как-то скрасить впечатление, я попросил:

– Вадим, выведи данные последних геологоразведок по Восточной Сибири. Помнишь, ты обещал сенсацию?

– Их еще не обобщили.

– Но ты там полазил?

– Полазил, – признался Вадим. – Больно уж неожиданные результаты!

– Давай что есть.

Демостатистика исчезла, пошли более радостные данные о неисчислимых богатствах Сибири. Наконец-то завершена полная геологоразведка Восточной Сибири и Дальнего Востока, начато составление общей карты. Стыдно сказать, со спутников проверили глубины залегания всех руд в Южной Америке, в Африке, даже в Антарктиде, но в России все не спешили: и так открытых месторождений хватает с лихвой. А если штатовские спутники и давали своим хозяевам более точную картину, то те, естественно, не делились с потенциальными соперниками.

Вадим молодец, умело выдирает кусочки уже уточненной карты, составлял на своем сайте. Сейчас мы все смотрели и не верили глазам своим, но в моем сознании глубокой занозой засела мысль о девяти миллионах китайцев, что уже сейчас переселились на Дальний Восток.

Вадим с подъемом прочел вслух:

– Залежи нефти в Сибири превосходят втрое все остальные месторождения, вместе взятые!

– В России? – спросил Ротмистров.

– Я неясно выразился? – огрызнулся Вадим. – В мире!.. Нефти в Восточной Сибири больше, чем во всем остальном мире. Кроме того, там еще и газ, которого больше нигде практически нет. В смысле, в сравнимых количествах. Последняя тотальная геосъемка позволила выявить залежи редких металлов, огромные запасы золота, платины, молибдена, титана, не говоря уже о меди или олове. Кстати, обнаружены новые богатейшие залежи урана. Глубина залегания крохотная, даже удивительно, что обнаружили только сейчас... Да что говорить, мы беспечно относимся к богатствам, теперь это видно.

Дятлов кашлянул, сказал хмуро:

– Не тяни, скажи сразу.

Интонация мне очень не понравилась, я повернулся к Игнатьеву.

– Что там еще?

– А дальше не такое радостное...

Он запнулся, я сказал зло:

– Говори, говори. День начался все равно скверно. Даже эти сокровища вряд ли перевесят...

Он кивнул:

– Вы правы, Борис Борисович. Только что в новостях сообщили, что наша контрразведка задержала некоего Чеботарева, он работал на китайскую разведку. К сожалению, успел передать и данные наших геологов. Хотя... думаю, что китайцы уже сами со своих спутников все вызнали.

– А Чеботарев тогда зачем?

– А чтобы понять, что именно мы знаем сами.

– О своей земле, – добавил Дятлов ехидно и зло разом.

Я стиснул челюсти. Китайцы и так постепенно заселяют Восточную Сибирь, идет тихая инфильтрация, но сейчас, получив такие данные, они могут принять более решительные меры. Какие, еще не знаю, у них там сейчас к решению этой проблемы подключен не один институт стратегического планирования, но что постараются оттяпать Восточную Сибирь уже более ускоренными темпами, это ясно и моим тапочкам.

Ротмистров проговорил тяжелым, как груженный углем состав, голосом:

– Эх, не дали вы мне порадоваться... Только возликовал, что обнаружили клад, и вот теперь не смогу спать спокойно!

– А нам и так нельзя спокойно спать, – ответил Вадим.

Отворилась дверь, заглянул Бронштейн. Оглядел нас опасливо.

– К вам можно?

Дятлов и Вадим посмотрели на меня, я кивнул:

– Заходи, будешь шестым... или сколько нас здесь?

Он вошел еще опасливее, поинтересовался:

– Какое-то извращение?.. В бухгалтерии берут на троих.

– Это в старину было, – объяснил Дятлов. – А теперь мода на здоровье.

– У вас бутылка, наверное? Или трехлитровая банка?

– Все в сравнении, все в сравнении, – ответил Дятлов.

Я кивнул в сторону экрана.

– Вадим накопал материалы по ископаемым Восточной Сибири. А что у тебя на эту тему?

– У меня? Разве я не бухгалтер?

– Не жмись, – сказал я. – По совместительству ты еще и директор нашего Центрального Банка и также местный маршал Стратегического Центра Глобальных Исследований. Или как-нибудь круче, к примеру: Генеральный Директор Всеобщего Центра Стратегических Изысканий. Так что не скромничай. Помимо того, что ты, как тайный жидомасон, должен быть в курсе.

Он спросил обидчиво:

– Почему это вдруг тайный?

– А у явного ранг выше? Ладно, тогда явный.

Бронштейн посмотрел на экран, кивнул.

– Вот вы о чем? Ну, могу добавить, что еще зашевелилась и Япония.

– Острова? – спросил Ротмистров.

Бронштейн покачал головой.

– И не надейтесь так легко отделаться. Острова всей гряды – понятно, включая и Сахалин, но Япония уже всерьез претендует на часть Приморья.

– Основания?

Бронштейн развел руками.

– Говорят честно, без хитрости. Даже удивительно для азиатов. Или решили, что в данном случае такая тактика самая эффективная. Мол, у них в Японии нет ничего, кроме рыбы, мы же ходим по залежам полезных ископаемых. Они претендуют на все Приморье, но, конечно, готовы будут удовольствоваться частью Дальнего Востока. Дают понять, что все равно для нас он потерян...

– Это почему же?

Он ответил лаконично:

– Китайцы.

Ротмистров буркнул:

– Мол, лучше японцам, чем китайцам?

– Скорее расчет на то, что нам все равно. Потому Япония постарается отхватить кусок как можно больше.

Дятлов проговорил задумчиво:

– А не удастся ли их стравить за эти земли? Чтоб начали маленькую войнушку?

Игнатьев хохотнул:

– А желательно, чтобы большую. Да побольше, побольше! Как в старое доброе время... эх!

Я помалкивал, смотрел, как на экране сменяются таблицы, участки сибирских земель с отмеченными новыми месторождениями. Этих новых втрое больше, чем уже открытых со времен пещерных людей, если те водились в Уральских горах. В прошлый раз Америка вовремя встревожилась быстро растущей мощью Японии, которая сумела нанести поражение не только огромному по численности Китаю, но и России в Русско-японской войне, когда полностью уничтожила весь русский флот, захватила Порт-Артур и забрала острова Курильской гряды. Тогда Америка сумела поставить Японию в безвыходное положение, загнать в такой угол, что той ничего не оставалось, как скопить силы и во время Второй мировой войны постараться отплатить за обиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.